МОГИЛЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№№ 17—18.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ Могилевѣ губернскомъ.

11—21 іюня. Годъ VII. 1889 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Святѣйшій Синодъ, по случаю предстоящаго 8-го сего іюня празднованія пятидесятилѣтія возсоединенія съ православною церковію западно-русскихъ уніатовъ, опредѣленіемъ отъ 2-го іюня 1889 года за № 137, постановилъ: предписать Преосвященнымъ: Литовскому, Полоцкому, Могилевскому и Минской духовной консисторіи сдѣлать безотлагательно распоряженіе о прочтеніи изданнаго по сему поводу Синодальнаго посланія въ церквахъ сихъ епархій 8-го іюня, или въ первый, по полученіи посланія, воскресный или праздничный день, предъ началомъ благодарственнаго молебствія, поручивъ при семъ Преосвященнымъ епархій Кіевской, Волынской и Подольской сдѣлать таковое же распоряженіе по отношенію къ церквамъ тѣхъ приходовъ, въ коихъ были возсоединившіеся съ православною церковію уніаты; о чемъ, для надлежащаго исполненія, напечатать настоящее опредѣленіе, вмѣстѣ съ посланіемъ, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ".

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ.

Возлюбленнымъ о Господѣ чадомъ Православныя Греко-Россійскія Церкви, наипаче же сущимъ въ западныхъ предѣлахъ Россіи.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всѣми вами (2 Коринѳ. 13, 13).

По неизреченному милосердію Божію, полвѣка тому назадъ, совершилось знаменателное для Православной Церкви событіе: великое множество людей русскаго рода, отъ отцовъ издревле православныхъ, насиліемъ и лестію отторгнутыхъ въ пагубную унію съ латинствомъ, познавъ въ своей братіи свѣтъ истины, любовію возсоединено съ церковію Православно-Каѳолическою. Веліе было торжество святой нашей Церкви, велія была ея радость, веліе Богу благодареніе! Радуется и нынѣ Православная Церковь, благодарнѣ воспоминая преславное сіе событіе, и возноситъ молитву вѣры къ верховному Пастыреначальнику Господу Іисусу Христу, да утвердитъ всѣхъ ея чадъ въ чистомъ исповѣданіи вѣры, единомысліи и единодушіи.

Унія съ Римомъ не принесла отцамъ вашимъ вожделѣннаго мира. Много претерпѣли за свою вѣрность Матери Церкви тѣ ея чада, кои не покорились насилію и сохранили древнее свое достояніе—святую православную вѣру; не нашли въ единеніи съ Римомъ успокоенія и тѣ, кои, уступая насилію, мнили обрѣсти миръ и сохранить родной церковный обрядъ свой: папская власть токмо уничижила праотеческую ихъ церковь и законныхъ ея пастырей и явила имъ новую лесть, привлекая всѣхъ въ чуждое языку нашему, Риму же сродное латинство.

Но Богъ благословилъ люди Своя миромъ, когда отторгнутые отъ единенія съ Православною Церковію паки возвратились въ общеніе со всѣми вкупѣ вѣрно въ ней пребывающими! *Се, что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ!* По истинѣ неисчислимы блага единенія вашего съ Святою Православною Цер-

ковію. Храмы Божіи, прежде стоявшіе въ нищетѣ и запустѣніи, украсились благолѣпіемъ и умножились въ числѣ; возстановлены въ нихъ полнота и красота древняго греко-восточнаго церковно-славянскаго богослужебнаго чина, учреждены и учреждаются у васъ многочисленныя училища, нерѣдко подъ самою сѣнію святыхъ храмовъ, для вѣрнаго назиданія васъ и чадъ вашихъ, дабы всѣ согласно славословили Творца всяческихъ и Подателя всѣхъ благъ. Земля ваша просіяла мужами правды и совѣта, добрыми пастырями церкви и учителями вѣры и закона; явила и исповѣдниковъ правды, вѣрныхъ сыновъ общаго нашего отечества, добрѣ подвизавшихся и душу свою положившихъ за вѣру въ недавнюю годину смуты. Поминайте имена ихъ и страданія предъ Богомъ, поминайте и прародителей вашихъ, въ давнія времена за вѣру отъ врага пострадавшихъ. Поминайте духовныхъ наставниковъ вашихъ и вождей, приведшихъ васъ въ единеніе съ прародителскою вѣрою. Ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.

Чада возлюбленная! Стойте твердо въ вѣрѣ православной, въ усердіи къ храмамъ Божіимъ и въ добродѣтельной жизни, и утверждайте дѣтей вашихъ въ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и въ вѣрной преданности Царю Православному. Сотворивый же насъ отъ единыя крове, въ Троицѣ славимый Господь Богъ Вседержитель и всѣхъ совокупивый во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, подъ единою Главою Сына Своего Господа нашего Іисуса Христа, Той да утвердитъ васъ въ вѣрѣ непостыдной въ любви нелицемѣрной и въ непоколебимой надеждѣ небеснаго Своего царствія. Аминь.

Подлинное подписали:

Исидоръ Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

Германъ Епископъ.

Маркеллъ Епископъ.

Высочайшее повелѣніе.

Объ участіи войскъ въ праздновании 8-го іюня 50-лѣтней годовщины возсоединенія съ православною церковію уніатовъ.

Государь Императоръ, въ 16-й день минувшаго мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: къ празднованію 8-го іюня 50-лѣтней годовщины возсоединенія съ православною церковію уніатовъ, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ по распоряженію Святѣйшаго Синода должны быть произведены крестные ходы, привлечь и воинскія части, освободивъ ихъ отъ занятій въ означенный день. Участіе войскъ въ торжествѣ должно состояться, примѣнительно къ празднованію въ прошедшемъ году 900-лѣтія крещенія Руси, при чемъ подробности этого участія должны быть установлены по соглашенію начальниковъ гарнизоновъ съ мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ.

Назначеніе на должность ректора семинаріи

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 24—26 мая 1889 г., за № 1102, архимандритъ *Паисій* уволенъ отъ должности ректора Тифлисской духовной семинаріи и на его мѣсто ректоромъ сей семинаріи назначенъ ректоръ Могилевской духовной семинаріи, архимандритъ *Николай*.

Преподаніе Архипастырскаго благословенія.

Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе: 12 мая—крестьянину Соинскаго прихода, Мстиславскаго уѣзда, Игнатію *Бѣлоусову* и крестьянамъ дер. Бахаровки того же прихода за пожертвованія въ свою приходскую церковь; 31 мая—землевладѣльцу имѣнія Дрыбинъ, Чаусскаго уѣзда, г. *Епифанову* за пожертвованіе лѣса на устройство ограды при Дрыбинской церкви.

Разрѣшеніе носить черную скуфью.

Его Преосвященствомъ разрѣшено носить черную скуфью при требоисправленіяхъ на открытомъ воздухѣ—10 мая священнику Малятичской церкви, Чериковскаго уѣзда, Тихону *Козловскому* и 16 мая—священнику Шупенской церкви, Могилевскаго уѣзда, Николаю *Мигаю*.

Перемѣны по службѣ.

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 мая, за № 1651, исправляющій должность секретаря Могилевской духовной Консисторіи, титулярный совѣтникъ Владиміръ *Александровскій* утвержденъ въ занимаемой имъ должности.

— По опредѣленію духовной Консисторіи, утвержденному Его Преосвященствомъ 30 мая, Благочинный 3 округа Гомельскаго уѣзда, священникъ Авксентій *Соколовъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности Благочиннаго, а на его мѣсто Благочиннымъ назначенъ священникъ Азаричской церкви, Гомельскаго уѣзда, Левъ *Окиншевичъ*.

— Сынъ псаломщика Андрей *Славинскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 6 іюня, опредѣленъ псаломщикомъ къ Вѣйнинской церкви, Могилевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Чаусской Георгіевской церкви Емельянъ *Жудро*, резолюціею Его Преосвященства отъ 6 іюня, перемѣщенъ къ Щавровской церкви, Сѣнненскаго уѣзда, а на его мѣсто перемѣщенъ псаломщикъ Долгомохской церкви, Быховскаго уѣзда, Стефанъ *Абрамовичъ*.

— Крестьянинъ Яковъ Ивановъ *Бирнбаумъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 10 іюня, допущенъ къ исправленію должности псаломщика въ Ліознянскомъ латышскомъ приходѣ, Оршанскаго уѣзда, и учителя въ Ліознянской латышской церковно-приходской школѣ.

— По постановленію духовной Консисторіи отъ 10 сего іюня, утвержденному Его Преосвященствомъ, псаломщикъ Воронцевичской церкви, Оршанскаго уѣзда, Іоаннъ *Осмоловскій* уволенъ отъ должности псаломщика.

— Сынъ священника Владиміръ *Случановскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 21 іюня, назначенъ псаломщикомъ къ Дашковской церкви, Быховскаго уѣзда.

— Сверхштатный причетникъ Нѣжковской церкви, Могилевскаго уѣзда, Иванъ *Шпаковскій* 22 мая скончался.

— Псаломщикъ Дашковской церкви, Быховскаго уѣзда, Іеремія *Случановскій* 22 мая скончался.

— Псаломщикъ Вѣйнинской церкви, Могилевскаго уѣзда, Никифоръ *Кутневичъ* скончался 31 мая.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время состоятъ вакантными мѣста: а) священниковъ—при церквахъ: *Могилевской* Троицкой, *Пропойской* (втораго священника) Быховскаго уѣзда, *Троицкой* г. Быхова и *Мокрядской*, Чаусскаго уѣзда; б) псаломщиковъ—при церквахъ: *Бовецкой*, *Долгомохской* и *Хлѣбнянской*, Быховскаго уѣзда, *Горецкой* Успенской, *Тетеринской*, Могилевскаго уѣзда, *Вылевской*, Гомельскаго уѣзда, и *Воронцевичской*, Оршанскаго уѣзда.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозв. цензурою. 1889 г. 21 іюня. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11—21 іюня №№ 17—18. 1889 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Празднованіе въ г. Могилевѣ пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ.

7 и 8 іюня Могилевъ праздновалъ пятидесятилѣтіе со времени возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковію, бывшаго въ 1839 году. Празднества происходили согласно начертанной Св. Синодомъ программѣ ихъ. Іюня 7 во всѣхъ церквахъ города совершены были Божественныя литургіи, а послѣ нихъ—панникиды по приснопамятнымъ, въ Бозѣ почившимъ, дѣятелямъ возсоединенія—Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, высокопреосвященнѣйшихъ—митрополитѣ Іосифѣ, архіепископахъ Василіѣ, Антоніѣ и Михаилѣ, преосвященнѣйшихъ епископахъ Игнатіѣ и Филаретѣ и всѣхъ ревностно подвизавшихся въ возсоединеніи съ Православною Церковію. Въ каѳедральномъ соборѣ Божественную литургію, благовѣстъ къ которой начался въ 9½ часовъ, совершалъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сергій, Епископъ Могилевскій и Мстиславскій, въ сослуженіи ректора семинаріи, архимандрита Николая, настоятеля Братскаго монастыря, архимандрита Аѳанасія, каѳедральнаго протоіерея І. Мигая, ключаря собора, священника І. Туторскаго и другихъ. Церковь была полна молящихся; на правой сторонѣ собора стояли воспитанники старшихъ классовъ гимназіи, реальнаго училища и городскаго, съ ихъ надзирателями; всю лѣвую сторону занимали воспитанники VI класса семинаріи и IV класса духовнаго училища, также съ ихъ надзирателями; остальное пространство собора было занято другими молящимися. Торжественное Богослуженіе, съ бѣлымъ облаченіемъ

священнослужащихъ, при стройномъ пѣніи пѣвчихъ—Архіерейскихъ и городскаго училища, невольно напоминало о важности наступающаго празднества, предшествуемаго теперь молитвою о упокоеніи душъ усопшихъ дѣятелей, трудами и подвигами которыхъ совершилось великое событіе возсоединенія. По окончаніи литургіи началась торжественная панихида, совершенная Его Преосвященствомъ въ сослуженіи всего городскаго духовенства. На панихидѣ присутствовалъ г. Начальникъ губерніи т. с. А. С. Дембовецкій. На всѣхъ эктеніяхъ и возгласахъ, по чиноположенію, поминались имена достопамятныхъ дѣятелей возсоединенія—Государя Императора Николая I, высокопреосвященныхъ—митрополита Іосифа и архіепископовъ Василія, Антонія и Михаила, епископовъ Игнатія и Филарета, возносились молитвы и о всѣхъ вообще ревностно подвизавшихся въ возсоединеніи съ Православною Церковію. Всѣ молящіеся стояли съ возженными свѣчами и едиными усты и единымъ сердцемъ, вмѣстѣ съ священнослужащими, возносили свои молитвы къ Богу, благодарно поминая сихъ приснопамятныхъ дѣятелей, трудами которыхъ между прочимъ и у насъ водворены миръ и согласіе и прекращены нѣкогда волновавшія и Могилевскую епархію религіозныя смуты. Вѣчная память вамъ, великіе труженики вѣры!

Вечеромъ того же дня, въ 6 часовъ, во всѣхъ церквахъ города начался благовѣстъ ко всенощному бдѣнію, совершенному во всѣхъ церквахъ съ особенною торжественностію. Но средоточіемъ праздничнаго торжества служилъ Богоявленскій Братскій монастырь, избранный для сего какъ по вмѣстительности главнаго храма его, такъ и потому, что созданъ былъ въ разгаръ борьбы Могилевцевъ съ вводимою уніею. Здѣсь всенощное бдѣніе совершалось Его Преосвященствомъ въ сослуженіи двухъ архимандритовъ—ректора семинаріи и настоятеля Братскаго монастыря, каѳедральнаго протоіерея І. Мигая, бывшаго военнаго протоіерея А. Бекаревича, инспектора семинаріи, іеромонаха Тихона и четырехъ іеромонаховъ монастыря. На правомъ клиросѣ пѣли пѣвчіе Архіерейскіе, а на лѣвомъ—хоръ Братскаго монастыря. Множество народа всѣхъ званій наполняло весь огромный соборный храмъ монастыря, украшенный снаружи и внутри зеленью; массы народа толпились и мѣнялись около храма—въ оградѣ монастыря и внѣ ея. Внутри храма, въ боковыхъ придѣлахъ, стояли воспитанники учебныхъ заведеній, съ правой

стороны—ученики образцовой церковно-приходской школы, IV класса духовнаго училища и VI класса семинаріи, съ лѣвой—ученики гимназіи, реальнаго училища, городскаго и приходскихъ. Съ началомъ пѣнія канона Его Преосвященство, среди церкви, съ амвона, сталъ раздавать народу брошюры о празднествѣ—„Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковію“—прот. Наумовича, иконы и крестики въ память пятидесятилѣтія возсоединенія. Массы народа толпились около Архіерейскаго амвона, ожидая очереди въ полученіи книжекъ, иконъ и крестиковъ. Г. Начальникъ губерніи стоялъ здѣсь же и лично дѣлалъ распоряженія по соблюденію порядка среди подходившихъ къ амвону массъ народа, наперерывъ стремившихся получить изъ святительскихъ рукъ что-либо на память о великомъ торжествѣ Православной Церкви, столь близкомъ сердцу и мысли каждаго въ здѣшнемъ краѣ. Раздача брошюръ (числомъ до 700), иконъ и крестиковъ (900) совершалась до самаго конца всенощнаго бдѣнія, продолжавшагося до начала 10 часа.

На другой день, 8 іюня, въ самый праздникъ, совершены были во всѣхъ церквахъ города раннія литургіи, съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ по окончаніи ихъ. Предъ началомъ молебна вездѣ прочтено было посланіе Св. Синода къ чадамъ Православной Церкви по поводу настоящаго торжества.

Въ 9¼ часовъ утра, между тѣмъ, начался перезвонъ, а въ 9½ часовъ благовѣстъ къ литургіи въ Братскомъ монастырѣ. Учащіеся, подъ наблюденіемъ своего начальства, стали со всѣхъ сторонъ, массами, попарно, сходиться въ Братскій монастырь; народъ—простой и интеллигентные классы общества также во множествѣ шли въ Братскій храмъ къ Божественной литургіи. Весь путь къ монастырю усыпанъ былъ зеленью. Въ 10 часовъ прибылъ Его Преосвященство и торжественно встрѣченъ былъ духовенствомъ при входѣ въ храмъ. Началась Божественная литургія. На правомъ клиросѣ стройно пѣли пѣвчіе Архіерейскіе, а на лѣвомъ соединенный хоръ—семинаріи и духовнаго училища. При Богослуженіи присутствовалъ г. Начальникъ губерніи т. с. А. С Дембовецкій, Вице-губернаторъ Д. Н. Мартыновъ, губернскій предводитель дворянства Л. А. Титовъ, временно командующій дивизіей генералъ-маіоръ А. А. Фонъ-Цуръ-Мелинъ, городской голова и другіе представители города и различныхъ учрежденій. Войска въ началѣ литургіи выстраивались шпалерами на

всемъ протяженіи отъ монастыря до каѳедральнаго собора. Выборные отъ частей войскъ, принимавшихъ участіе въ парадѣ, стояли въ церкви съ полковыми знаменами. Направо и налѣво, въ боковыхъ придѣлахъ, стояли воспитанники учебныхъ заведеній: обширный правый придѣлъ занятъ былъ учениками образцовой церковно-приходской школы, всѣми учениками духовнаго училища и всѣми учениками семинаріи, лѣвый же придѣлъ занятъ былъ православными учениками прочихъ учебныхъ заведеній Могилева. Множество народа разныхъ званій наполняло среднюю часть храма и пространные хоры вверху. При Богослуженіи присутствовало также и все городское духовенство, собравшееся въ Братскій храмъ по окончаніи литургій въ своихъ церквахъ. Послѣ причастнаго стиха протоіереемъ Ѳ. Демянцевичемъ сказано было соотвѣтственное воспоминаемымъ событіямъ, печатаемое ниже, слово о положеніи православныхъ и уніатовъ, до возсоединенія послѣднихъ съ Православною Церковію, и объ ихъ возсоединеніи въ 1839 году.

По окончаніи литургіи и по началѣ въ Братскомъ храмѣ молебствія, состоялся торжественный крестный ходъ изъ Братскаго монастыря къ каѳедральному Іосифовскому собору. Впереди крестнаго хода несли хоругви и св. иконы со всѣхъ церквей города; далѣе слѣдовали, по пяти въ рядъ, воспитанники гимназіи, реальнаго училища, городскаго, приходскихъ училищъ, образцовой семинарской школы, духовнаго училища и наконецъ—семинаріи, съ ихъ наставниками и надзирателями. Затѣмъ шли пѣвчіе, сначала семинарскіе, затѣмъ Архіерейскіе, также по пяти человѣкъ въ рядъ, при попеременномъ пѣніи тропарей: „Пречистому Твоему образу“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“. За ними два священника несли нерукотворенный образъ Спасителя, затѣмъ два іеремонаха несли Братскую чудотворную икону Божіей Матери. За ними слѣдовало все городское духовенство—монашествующее и бѣлое, въ праздничныхъ облаченіяхъ, и Преосвященнѣйшій Сергій, епископъ Могилевскій, съ посохомъ; предъ нимъ діаконъ несъ евангеліе, а каѳедральный протоіерей—крестъ на блюдѣ. Процессію сопровождали г. Начальникъ губерніи, представители города, учрежденій разныхъ вѣдомствъ и множество народа. Массы народа стояли по сторонамъ улицы, на тротуарахъ и на площади около городскаго сада; войска были расположены шпалерами по лѣвой сторонѣ вдоль всего Днѣпровскаго про-

спекта (иначе—Шкловской улицы), по которому совершался крестный ходъ; по правой сторонѣ крестнаго хода шли тѣсными рядами богомольцы. Процессія, при пѣніи пѣвчими тропарей: „Пречистому Твоему образу“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, при исполненіи полковою музыкою: „Коль славенъ нашъ Господь“, медленно направлялась къ каѳедральному собору, гдѣ на площади была устроена украшенная зеленью сѣнь, подъ которой, на возвышенномъ помостѣ, должно было происходить благодарственное молебствіе.

По прибытіи на соборную площадь, хоругви и св. иконы расположились въ два ряда между соборомъ и мѣстомъ молебствія; ученики образцовой семинарской школы, духовнаго училища и семинаріи стали рядами по правую сторону мѣста молебствія, лицомъ къ нему; ученики гимназіи, реальнаго училища, городскаго и приходскихъ—по лѣвую, также рядами и лицомъ къ мѣсту молебствія. Остальное пространство кругомъ мѣста молебствія было занято сплошными массами народа, стоявшими по всей площади собора и на всѣхъ близлежащихъ видныхъ мѣстахъ.

Когда Преосвященнѣйшій Владыка и прочее духовенство, при пѣніи пѣвчими вышеозначенныхъ тропарей, взошли на эстраду подъ красиво устроенною сѣнью,—Его Преосвященство, обратившись лицомъ къ народу, стоявшему позади эстрады, внятно и съ силою прочелъ посланіе Св. Синода къ чадамъ Православныя Россійскія Церкви по поводу знаменательнаго сего событія въ исторіи русской Церкви. Народъ съ благоговѣйною любовію внималъ пастырскому слову предстоятелей русской Православной Церкви, возвѣщавшемуся устами Святителя, поставленнаго править и руководить паствою Могилевскою,—и благодарно возносилъ мысль свою къ Пастыреначальнику нашего спасенія, давшему миръ и единеніе чадамъ Своей Церкви. По прочтеніи посланія началось совершеніе благодарственнаго молебствія Спасителю. Во время молебствія пѣлъ хоръ Архіерейскихъ пѣвчихъ; а по прочтеніи благодарной молитвы, „Тебе Бога хвалимъ“ исполнено было всѣми воспитанниками семиріи, духовнаго училища и образцовой семинарской школы. Молебствіе заключено было троекратнымъ провозглашеніемъ протодіакономъ многолѣтія: сначала Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу, Благочестивѣйшей Государынѣ Импе-

ратрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу и всему Царствующему Дому, потомъ— Святѣйшему Правительствующему Синоду и Преосвященнѣйшему Сергію, Епископу Могилевскому и Мстиславскому, съ богохранимою его паствою, и затѣмъ—благовѣрнымъ правительствующему синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ, ревнующимъ о мирѣ и единеніи всѣхъ въ святой вѣрѣ Христовой.

По окончаніи молебствія, крестный ходъ, съ учениками образцовой семинарской школы, духовнаго училища и семинаріи, расположенными въ рядахъ по пяти человѣкъ въ прежнемъ ихъ порядкѣ, въ сопровожденіи духовенства и настоятеля Братскаго монастыря, архимандрита Аѳанасія, несшаго крестъ въ рукахъ, направился отъ каѳедральнаго собора обратно въ Братскій монастырь, а Преосвященнѣйшій Владыка, съ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Николаемъ, духовенствомъ, иконами и хоругвями собора, вошелъ въ соборъ для разоблаченія. Крестный ходъ, между тѣмъ, сопровождаемый массами народа и войсками съ музыкою, исполнявшею „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, при пѣніи всѣми воспитанниками семинаріи и духовнаго училища тропарей: „Пречистому Твоему образу“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“,—торжественно возвратился къ монастырю, встрѣченный здѣсь частями войскъ съ барабаннымъ боемъ, и вошелъ въ соборный Братскій храмъ.

По окончаніи (въ 2 часа по полудни) крестнаго хода, Его Преосвященствомъ предложенъ былъ въ своихъ покояхъ парадный обѣдъ всѣмъ представителямъ гражданскаго, военнаго и учебнаго вѣдомствъ. На немъ были всѣ протоіереи и священники г. Могилева. Пространный залъ едва могъ вмѣстить всѣхъ приглашенныхъ къ обѣду. Во время обѣда Его Преосвященствомъ провозглашенъ былъ тостъ прежде всего за здравіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича и всего Царствующаго Дома. Единодушное громкое „ура!“ и „многая лѣта!“ были отвѣтомъ на этотъ тостъ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ. Затѣмъ Его Преосвященствомъ предложенъ былъ тостъ, встрѣченный единодушнымъ общимъ: „многая лѣта!“—за здравіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго Исидора, участвовавшаго при возсоединеніи уніатовъ и много потрудившагося надъ благо-

устроеніемъ возсоединенныхъ съ Православною Церковію уніатскихъ церквей и приходовъ Могилевской епархіи,—и за здравіе прочихъ членовъ Св. Синода. Послѣ этого г. Начальникъ губерніи провозгласилъ тостъ за самого высокочтимаго Преосвященнѣйшаго Архипастыря, и всѣ присутствовавшіе отвѣтили на этотъ тостъ единодушнымъ троекратнымъ пѣніемъ: „многая лѣта!“ Его Преосвященствомъ предложенъ былъ послѣ того тостъ за г. Начальника губерніи, встрѣченный троекратнымъ единодушнымъ: „многая лѣта!“ Затѣмъ Его Преосвященство предложилъ тостъ за здравіе всѣхъ возвратившихся изъ уніи въ православіе и находящихся въ живыхъ и въ заключеніе—за здравіе всѣхъ почтенныхъ гостей.

Вечеромъ, въ $6^1/_2$ часовъ, въ убранномъ роскошно зеленью актовомъ залѣ мужской гимназіи, на эстрадѣ котораго, на аналогіѣ, поставлена была икона Спасителя,—происходило торжественное собраніе, заключившее собою празднества. Въ собраніи присутствовали Его Преосвященство, г. Начальникъ губерніи и избранная публика по билетамъ, а также частію—воспитанники гимназіи и семинаріи. Собраніе открыто было пѣніемъ тропаря: „Пречистому Твоему образу,“ исполненнымъ Архіерейскими пѣвчими. Затѣмъ слѣдовала помѣщаемая ниже рѣчь преподавателя семинаріи И. К. Пятницкаго, въ которой изложены были судьбы уніатовъ до возсоединенія ихъ съ Православною Церковію въ 1839 году. По окончаніи этой исторически обстоятельной рѣчи, выслушанной всѣми съ интересомъ, гимназическій хоръ стройно исполнилъ пѣснь св. Амвросія: „Тебе Бога хвалимъ.“ Послѣ этого слѣдовала, также печатаемая ниже, рѣчь преподавателя семинаріи А. А. Скворцова о высокой личности митрополита Іосифа Сѣмашко и о возсоединеніи уніатовъ съ Православною Церковію въ 1839 году. Прекрасно сказанная рѣчь А. А. Скворцова выслушана была всѣми присутствовавшими съ великимъ вниманіемъ. Послѣ того хоръ Архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ и „Боже, Царя храни“, выслушанные всѣми стоя. Народный гимнъ, сопровождаемый каждый разъ громкимъ „ура!“—по желанію присутствующихъ былъ повторенъ четыре раза.

Такъ закончилось высоконазидательное юбилейное празднество это въ Могилевѣ. Могилевъ былъ нѣкогда не только однимъ изъ центровъ борьбы православія съ католицизмомъ, но даже оплотомъ

православія въ этой борьбѣ, какъ резиденція долгое время единственнаго въ сѣверо-западныхъ областяхъ Руси православнаго епископа. Тѣмъ радостнѣе и выше было празднество его въ знаменательный день 8 іюня. Празднуя въ этотъ день полустолѣтіе возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковію при митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашко, Могилевъ воспоминалъ и первое многочисленное присоединеніе уніатовъ къ православію, бывшее въ Бѣлорусской епархіи при Императрицѣ Екатеринѣ второй за 100 лѣтъ предъ симъ, и потому весьма знаменательно было въ немъ торжественное крестное шествіе отъ обители Богоявленія къ каѳедральному храму св. Іосифа, воздвигнутому этою великою Государынею.

СЛОВО

въ 50-лѣтнюю годовщину возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковію.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершилось, прав. хр., великое и многознаменательное для Православной Церкви и чадъ ея событіе—возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ Православною Церковію. Это священное событіе такъ радостно и торжественно воспоминаемъ мы въ настоящій день. Почему же мы такъ радуемся и торжествуемъ? Потому, что возвращеніе полуторыхъ милліоновъ западно-русскихъ уніатовъ въ нѣдра Православной Церкви, отторгнутыхъ отъ нея насиліемъ и происками римско-католической и польской пропаганды въ теченіе двухъ слишкомъ предшествовавшихъ вѣковъ имѣло весьма важное, благотворное значеніе въ исторіи русской Церкви и русскаго государства. Какое же именно значеніе? Это мы увидимъ, брат., если обратимся къ исторіи и посмотримъ: что такое унія, какъ она образовалась и какая была цѣль ея и послѣдствія?

Три вѣка почти тому назадъ всѣ чада Православной русской Церкви едиными усты и единѣмъ сердцемъ славили Господа въ союзѣ мира и любви. Всѣ предки наши со временъ Благовѣрнаго Великаго Князя Владиміра, въ продолженіе шести столѣтій, крѣпко держались той истинной вѣры Христовой, которая во всей чистотѣ хранится въ Православной Церкви,—Церкви, назданной на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу.

Такимъ образомъ всѣ они шли къ предназначенной намъ Творцемъ и Создателемъ нашимъ цѣли нашего земнаго бытія—вѣчному спасенію путемъ правильнымъ, путемъ, указаннымъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и Его Божественными Апостолами. Но вотъ, по допущенію Божію, за грѣхи ли нашихъ предковъ, или для испытанія и еще большаго укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ и любви къ Богу, постигло ихъ великое бѣдствіе. Когда бывшее нѣкогда польское королевство успѣло захватить въ свои руки Бѣлоруссію, то поляки, уклонившіеся сами отъ пути истиннаго Христова ученія, захотѣли, по наущенію іезуитовъ, совратить съ того же пути истины и правды и всѣхъ истинныхъ чадъ западно-русской Православной Церкви, обративъ ихъ въ латинскую вѣру. Употреблены были для этого всѣ іезуитскіе способы, противные духу евангельскаго ученія. Убѣдившись, что невозможно достигнуть своей цѣли обѣщаніями и ласками, которыми думали обольстить православныхъ, ревнители латинства взялись за угрозы, а потомъ и насилія, притѣсненія, пытки и другія средства. Но и эти крутыя мѣры не привели къ желанной цѣли: православные были по прежнему тверды и непоколебимы въ вѣрѣ отцевъ своихъ; всякій предпочиталъ быть лучше мученикомъ, чѣмъ измѣнникомъ вѣры. Тогда стало очевидно, что вдругъ уничтожить православіе въ странѣ невозможно, что для этого нужно и время и иные способы,—и вотъ они выдумали унію, разсчитывая въ ней найти вѣрный способъ къ совращенію православныхъ въ латинство. „Если вы не хотите сдѣлаться католиками вполнѣ, стали ласково уговаривать православныхъ римскіе католики, то мы васъ и не принуждаемъ, держитесь своей вѣры, своихъ обычаевъ, имѣйте своихъ священниковъ и отправляйте свои службы по старому, только признайте главою всей церкви римскаго папу.“ Испытавши много горя отъ враговъ православной вѣры, нѣкоторые изъ православныхъ согласились на предложенныя имъ условія. И вотъ ввелась унія. Что-жъ это за вѣра? Это было ни православіе, ни латинство; это была измышленная переходная ступень отъ православія къ латинству, которая, къ несчастію, и досигла въ нѣкоторой мѣрѣ своей цѣли.

Какова же была дальнѣйшая судьба какъ тѣхъ предковъ нашихъ, которые оставались тверды и непоколебимы въ вѣрѣ и преданности Православной Церкви, такъ и тѣхъ, которые, соблазнив-

шись лестными обѣщаніями римско-католическаго духовенства и польскаго правительства, оставили свою родную мать—Православную Церковь и подчинили себя владычеству римскаго папы? Бѣдствія истинныхъ сыновъ Православной Церкви, которыя они претерпѣвали отъ поляковъ, со введеніемъ уніи еще болѣе увеличились. Лучшіе монастыри и церкви ихъ отбирались въ пользу уніатовъ или латинскаго духовенства; въ мѣстечкахъ и деревняхъ владѣльцы могли безнаказанно предавать православныхъ служителей алтаря всякому истязанію; цѣлые округи оставались безъ пастырей, безъ приношенія жертвы безкровной и безъ всякаго утѣшенія христіанскаго; въ городахъ священники не смѣли ходить къ больнымъ со Святыми Дарами и хоронить мертвыхъ; не всегда даже находили для себя безопасность и въ храмахъ, а крестные ходы по городу становились для нихъ почти невозможными, ибо подвергались поруганіямъ отъ буйной польской молодежи, нерѣдко метавшей въ нихъ грязью и камнями. Православные, не принявшіе уніи, не только должны были слушать невѣроятныя у христіанъ ругательства и насмѣшки надъ ихъ св. вѣрою, но въ своихъ тяжелыхъ страданіяхъ не могли и Богу помолиться. Православныя церкви или насильственно запечатывали или польская шляхта отдавала ихъ евреямъ въ аренду. Родился у православнаго ребенокъ,—онъ долженъ былъ уплатить деньги еврею, у котораго были церковные ключи; умеръ кто,—еврей разрѣшалъ за деньги внести тѣло въ церковь; на Пасху православному нельзя было печь себѣ пасхальный хлѣбъ, а долженъ былъ онъ покупать его у еврея съ его клеймомъ. А когда народъ, доведенный до крайности, въ отчаяніи въ Полоцкѣ бросился на одного изъ главныхъ виновниковъ такихъ гоненій, уніатскаго архіепископа Іосафата, и убилъ его, тогда папа Урбанъ написалъ польскому королю письмо, „чтобы не щадилъ огня и меча.“ И дѣйствительно не щадили: православныхъ убивали, жарили на огнѣ, разрывали въ куски, сажали на колы, снимали съ нихъ живыхъ кожу, и потоками текла братская славянская кровь. Такія средства продолжали употреблять католики, чтобы всѣхъ православныхъ западно-русской церкви совратить сперва въ унію, а потомъ и въ латинство.

Не долго и принявшіе унію пользовались, по обѣщанію латинянъ, свободою въ совершеніи своихъ религіозныхъ обрядовъ и въ своемъ вѣроученіи. Поляки не любили унію, называли ее

холопскою вѣрою. Латинскому духовенству только и думалось о томъ, какъ бы поскорѣе изъ уніи сдѣлать латинство. То насмѣшками надъ уніатскими обычаями и духовенствомъ, то притворною любовію, то насиліемъ достигнувъ того, что уніаты не стали такъ крѣпко стоять за свои древнѣйшіе обычаи и даже начали увлекаться латинскими обрядами,—поляки стали измѣнять и самую унію. Такъ напримѣръ: выносили или не устроивали вновь иконостасовъ въ православныхъ храмахъ, престолы начали устроивать не по срединѣ алтаря, а при стѣнѣ, вводили органы, завели тихія мши, всю литургію такъ передѣлали, что св. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Григорій Двоесловъ не могли бы признать эти литургіи за свои. А самые храмы уніатскіе доведены были до нищеты и убожества.

Такимъ образомъ путемъ насилія по отношенію къ православнымъ, путемъ лести и обмана по отношенію къ принявшимъ унію римскіе католики надѣялись скоро достигнуть того, что весь православный народъ Бѣлорусскій перейдетъ въ унію, а затѣмъ и въ латинство, но надежда эта не оправдалась. Господь караетъ за грѣхи людей, но Онъ же милосердый и милуетъ насъ, если мы обращаемся къ Нему съ покаяніемъ. Покаралъ нѣкогда Господь и нашихъ предковъ, отдавши ихъ полякамъ, и повидимому уже нельзя было ожидать возвращенія ихъ подъ власть Русскаго Православнаго Царя. Но что кажется невозможнымъ для человѣка, возможно для Бога. Гдѣ теперь польское королевство? Гдѣ унія? Гдѣ самоволіе и насиліе приверженцевъ латинства? Умилосердился Господь надъ нами и возвратилъ насъ опять подъ мирную Державу Россійскаго Царя и въ лоно Св. Православной Церкви.

Можемъ ли мы послѣ этого не радоваться и не торжествовать, воспоминая тотъ день, когда отторгнутые отъ Православной Церкви насиліемъ отцы наши возвращены были любовію въ нѣдра Православной Церкви. По истинѣ день сей, въ который совершилось это священное событіе есть день, *егоже сотвори Господь; возрадуемся* же и *возвеселимся въ онь!*

Но чѣмъ выразить намъ, брат. хр., нашу радость, наше торжество, чтобы они были и Богу угодны и намъ полезны? Первѣе всего принесемъ, христіане, усердныя молитвы благодаренія Господу Богу за явленную Имъ предкамъ нашимъ великую и богатую милость возвращеніемъ ихъ подъ власть Русскаго Православнаго Царя, а

затѣмъ и въ лоно Св. Православной Церкви; возблагодаримъ первѣе всего Господа потому, что возвращеніе въ нѣдра Православной Церкви отторгнутыхъ отъ нея въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ обманомъ и насиліемъ предковъ нашихъ, возвращеніе въ самое короткое время и не огнемъ и мечемъ, а любовію и кротостію—есть по истинѣ не дѣло рукъ человѣческихъ, но великое чудо милости Божіей къ намъ недостойнымъ. Возблагодаривъ Господа, не престанемъ, братіе, воспоминать благодарственно въ молитвахъ нашихъ и тѣхъ великихъ и славныхъ дѣятелей во благо Православной Церкви, которыхъ Господь избралъ орудіемъ Своимъ, для совершенія сего святаго великаго дѣла, и именно: въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Николая Перваго, который, подобно, упоминаемому въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, отцу, съ радостію и любовію принялъ подъ свое отеческое покровительство заблудшихъ чадъ своихъ и который всегда былъ вѣрнымъ защитникомъ и хранителемъ св. вѣры Христовой и Православной Церкви. Не предадимъ въ душахъ нашихъ забвенію заслугъ и почившихъ великихъ іерарховъ Церкви Божіей: высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, архіепископовъ Василія, Антонія и Михаила и епископовъ Игнатія и Филарета, которые, бывъ озарены благодатію Божіею, ясно увидѣли бездну, до края которой приблизилась въ ихъ время уніатская церковь, уразумѣли, что единственное средство спасти ее отъ поглощенія латинствомъ и полонизмомъ—это русское православіе, уразумѣли—и, призвавъ на помощь Отца Небеснаго, совершили и словомъ и примѣромъ во славу Божію великое святое дѣло спасенія заблудшихъ чадъ Церкви Божіей. Принесши молитвы благодаренія Господу за явленную Имъ намъ и предкамъ нашимъ милость Его, помолимся, бр., отъ всей души и отъ всего сердца и о здравіи и долгоденствіи нынѣ благополучно царствующаго Государя нашего Императора Александра Александровича, какъ главнаго покровителя и защитника св. вѣры нашей и Церкви. А воспоминаемое нами событие да послужитъ всѣмъ намъ и потомкамъ нашимъ урокомъ того, какъ гибельно для насъ уклоненіе отъ единой, святой и Апостольской Церкви, и да укрѣпитъ всѣхъ насъ въ вѣрѣ и любви къ Богу и непоколебимой преданности Православной Церкви до скончанія вѣка. Аминь.

Протоіерей *Θ. Демянцевичъ.*

РѢЧЬ

преподавателя семинаріи И. К. Пятницкаго, произнесенная 8 іюня въ залѣ мужской классической гимназіи.

Ваше Преосвященство!

Милостивые Государи и Государыни!

15 іюля минувшаго года мы воспоминали величайшее общерусское событіе,—дѣвятисотлѣтіе крещенія русскаго народа св. Владиміромъ, праздновали торжество христіанства надъ язычествомъ. Въ настоящій разъ мы воспоминаемъ новое и въ высшей степени знаменательное событіе мѣстнаго края—пятидесятилѣтіе возсоединенія съ православіемъ западно-русскихъ уніатовъ, празднуемъ торжество нашей православной вѣры надъ ухищреніями латинства.

Въ виду важности предмета было бы благовременно теперь воспроизвести всю исторію западно-русскаго края, указать, какъ въ этомъ, искони русскомъ и православномъ, краѣ постепенно попирались русскія и православныя начала, навязывалась чуждая цивилизація и новая вѣра и какъ, наконецъ, положенъ былъ предѣлъ тому и другому.

Но все это, конечно, не можетъ взойти въ предѣлы нашей рѣчи, а потому мы остановимся главнымъ образомъ на Могилевской епархіи, и—не потому только, что она Могилевская—мѣстная, но и потому, что она одна изъ всѣхъ православныхъ западно-русскихъ епархій до конца выдержала борьбу съ латинствомъ и не была, по подобію другихъ, окончательно порабощена уніею. Въ этомъ отношеніи мы постепенно, насколько позволяютъ данныя и время, постараемся прослѣдить,—какія мѣры предпринимались къ водворенію у насъ уніи до возсоединенія уніатовъ при императрицѣ Екатеринѣ II, какъ шло это возсоединеніе и что сталось съ уніатами оставшимися, а затѣмъ будетъ сказано, какъ совершилось и воспоминаемое нынѣ возсоединеніе 1839 года.

Населеніе нынѣшней Могилевской губерніи, извѣстное въ первый историческій періодъ Руси подъ именемъ Кривичей и Радимичей, а потомъ объединенное подъ именемъ Бѣлоруссовъ, было просвѣщено христіанскою православною вѣрою еще при св. Владимірѣ[1])

[1]) Голубинскій. Истор. р. ц., т. I, стр. 291.

и, съ образованіемъ удѣловъ, входило въ составъ княжествъ Полоцкаго и Смоленскаго[1]), а въ церковно-іерархическомъ отношеніи составляло часть православной Полоцкой епархіи[2]). До конца XVI столѣтія оно не знало никакой уніи, никакого единенія съ римскою церковію. Конечно, не могло быть объ этомъ рѣчи, пока оно входило въ составъ русскаго православнаго государства. Положеніе дѣла не измѣнилось и тогда, когда въ XIV столѣтіи нашъ край соединенъ былъ съ новымъ государствомъ—литовскимъ. Мало того. И соединеніе Литвы съ Польшею сначала въ 1386 г., а потомъ въ 1569 г., объединившее, или точнѣе—подчинившее интересы Литвы Польшѣ, сопровождавшееся всевозможными мѣрами, направленными къ уничтоженію всякой связи западно-русскаго края съ единовѣрною Россіею, а отсюда и къ водворенію католичества,—не увѣнчалось никакимъ успѣхомъ. Но послѣднее казалось необходимымъ. Его требовали разсчеты политическіе, еще болѣе настаивалъ на томъ папа, желавшій вознаградить на востокѣ потерянное имъ на западѣ. На помощь явились самые вѣрные слуги папства—іезуиты. Они-то, прекрасно понимая, что нельзя навязать русскому населенію чистаго латинства и придумали церковную сдѣлку, унію, т. е. признаніе власти римскаго папы, при вѣрности православнымъ обрядамъ. Путемъ коварной системы убѣжденій, воспитанія и другихъ всевозможныхъ мѣръ, подсказанныхъ ими польскому правительству, они успѣли создать въ западномъ краѣ партію лицъ, потерявшихъ любовь къ православной вѣрѣ и церкви восточной. Явилось не мало людей, для которыхъ унія представлялась дѣломъ вполнѣ достойнымъ, а для людей боязливыхъ, особенно порочныхъ,—даже спасительнымъ, единственнымъ убѣжищемъ отъ невзгодъ житейскихъ и служебныхъ. Сравнительно весьма незначительная горсть людей довела іезуитское дѣло до конца. 9 октября 1596 г., на соборѣ въ Брестѣ, дѣйствительно была провозглашена давно желательная для іезуитовъ и польскаго правительства унія, явившаяся, какъ „насильственный и самый горькій плодъ тѣхъ горькихъ условій, среди которыхъ протекала жизнь западно-русской митрополіи со времени отдѣленія ея отъ Московской[3])“.

[1]) Опытъ описанія Могилев. губ., кн. I, стр. 1.

[2]) Григоровичъ. Собр. соч. Георгія Конисскаго, изд. 1., ч. II, стр. 198. Пам. кн. Могил. губ. на 1861 г., стр. 109.

[3]) Преосвящ. Макарій. Ист. р. ц., т. IX, стр. 689.

Объявленіе уніи было зловѣщимъ знакомъ, угрожавшимъ всей Западной Руси полнымъ уничтоженіемъ православія и русской народности и подчиненіемъ этой страны иностранному и иновѣрному порабощенію навсегда. Это было ясно для всякаго, въ комъ теплилась искра русскихъ и исконныхъ началъ. Ясно было это и для Могилевцевъ. Правда, рѣшительныхъ дѣйствій для введенія уніи они еще не видѣли: Полоцкіе епископы Германъ, а за нимъ и Гедеонъ, хотя и были уніатами, но не были, подобно другимъ, фанатиками[1]), тѣмъ не менѣе, предвидя опасность, они въ слѣдующемъ же году, послѣ объявленія уніи, пользуясь общею настойчивостью православныхъ на генеральномъ сеймѣ въ Варшавѣ относительно своихъ религіозныхъ правъ[2]), представили королю Сигизмунду III уставъ еще ранѣе задуманнаго ими братства при Спасскомъ монастырѣ[3]) и настояли на его утвержденіи[4]). Но здѣсь не все сдѣлалось такъ, какъ бы желалось. Король, согласившись утвердить уставъ братскій, поставилъ братство „подъ послушенство владыки Полоцкаго", значитъ епископа уніатскаго. А потому, лишь только Полоцкій епископъ— Германъ въ 1599 г. задумалъ посѣтить Могилевъ, Могилевцы заявили ему, что „они его, какъ поклонника папы, за своего владыку не признаютъ"[5]). Это былъ шагъ рѣшительный. Они рѣшили, значитъ, лучше быть безъ епископа, чѣмъ подвергаться опасности быть обращенными въ унію. Чрезъ годъ смѣнившій Германа новый епископъ Гедеонъ жаловался королю, что Могилевскіе братчики „владыку заклинаютъ, и признавать его за старшаго заказуютъ"[6]). По этой жалобѣ братство при Спасскомъ монастырѣ было закрыто и, хотя по усиленной просьбѣ Могилевцевъ и разрѣшено было имъ новое братство при церкви „Въѣханія Господня"[7]), но это было уже значительнымъ ущербомъ для православныхъ. Спасскій монастырь еще съ 1585 года находился въ непосредственномъ вѣдѣніи Могилевскихъ гражданъ[8]), а церковь входа Господня была обыкновенная

[1]) Тамъ же, т. X, стр. 265 и 457. Витеб. старина, т. V, стр. LXXII—LXXIII.

[2]) Пр. Макарій, ист. р. ц., т. X, стр. 245.

[3]) Тамъ же, стр. 348.

[4]) Тамъ же.

[5]) Мог. губ. Вѣдом. 1846 г. № 15.

[6]) Археограф. сбор. т. II, № 19, стр. 17.

[7]) Тамъ же, №№ 20 и 21.

[8]) Вит. стар., т. I, стр. 526.

приходская, значитъ,—въ полной зависимости отъ Полоцкаго епископа, да и самое братство поставлено королемъ „подъ послушенство митрополита“[1]),—тоже уніата. Уніатскій узелъ начиналъ такимъ образомъ затягиваться. Нужна была особенная поддержка, чтобы подкрѣпить православныхъ. И ее нашли Могилевцы въ православномъ Львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ. Въ своемъ посланіи Могилевцамъ отъ 1605 года, онъ, „похваляючи благую и набожную ревность Могилевцевъ, ихъ статечность при догматахъ Святыя Восточныя церкви, молитъ не уставати въ нихъ“ и въ виду бѣдствій между прочимъ говоритъ: „пре то и воинъ не во время мира и домовыхъ часовъ, но во время рати познается, и кормчій на морѣ не во время тишины и угоднаго вѣтра, по часу бурливости морскихъ и противныхъ вѣтровъ, егда себе самого и сущихъ съ нимъ въ корабли спасетъ. Такожде и христіанинъ вѣрныхъ часу повстанья противныхъ и згоршенья многихъ вѣру и сталость свою являетъ“[2]).

Въ такомъ положеніи было дѣло до 1618 г.; будущее не предвѣщало ничего хорошаго. Съ этого года Полоцкимъ епископомъ сдѣлался Іосафатъ Кунцевичъ, до фанатизма преданный интересамъ уніи, готовый для нея на все, даже на пожертвованіе своею жизнію[3]), а потому и получившій у православныхъ названіе „душехвата“[4]). Въ томъ же году онъ задумалъ посѣтить Могилевъ, чтобы лично содѣйствовать своему дѣлу. Путь его обозначился большими насиліями. Онъ отнималъ у православныхъ церкви, какъ напр. въ г. Оршѣ, нѣкоторыхъ священниковъ выгонялъ изъ приходовъ, заковывалъ въ желѣзо, заключалъ въ темницы, или совсѣмъ выгонялъ изъ епархіи, а мірянъ предавалъ судебнымъ процессамъ и преслѣдованіямъ[5]). Могилевцы рѣшились дать ему отпоръ. Лишь только они узнали, что Кунцевичъ приближается къ городу,—это было 9 октября,—ударили въ вѣчевой колоколъ на ратушѣ, подняли тревогу, заперли городскія ворота, а на валъ, вокругъ города, разставили народъ съ оружіемъ. Члены магистрата, бургомистръ, райцы и лавочки и всѣ мѣщане съ разнымъ оружіемъ и цеховыми хоругвями, вышли изъ города на встрѣчу Іосафату и начали кричать, что не примутъ его,

[1]) Археогр. сбор., т. II, № 22.
[2]) Тамъ же, № 23.
[3]) Кояловичъ. Литов. цер. унія, т. II, стр. 124—127.
[4]) Витеб. стар., т. V, стр. LXXIV.
[5]) Пр. Макарій. Ист. р. ц., т. X, стр. 459.

поносили и проклинали, какъ вѣроотступника и злодѣя, и угрожали убить его, если онъ не удалится отъ Могилева[1]). Кунцевичъ долженъ былъ удалиться, но за то это дорого обошлось и Могилевцамъ. По его жалобѣ, король издалъ декретъ, по которому: а) всѣ главные виновники и зачинщики Могилевскаго возмущенія осуждались на смертную казнь, и б) всѣ церкви и монастыри въ Могилевѣ и духовенство отданы подъ управленіе Кунцевича,—съ тѣмъ, чтобы по истеченіи шести недѣль со времени изданія декрета Могилевскіе граждане уже никакъ не вступались въ эти церкви и монастыри, подъ страхомъ уплаты 20,000 злотыхъ польскихъ въ королевскую казну[2]). Послѣднее, очевидно, было одною изъ мѣръ для насажденія уніи, но и она не удалась. Послѣ шести недѣль церкви дѣйствительно были отобраны, а такъ какъ уніатовъ среди жителей Могилева не было вовсе, а православные уніи принимать не соглашались, то отобранныя церкви были всѣ запечатаны, кромѣ одной Спасской церкви, въ которой богослуженіе отправляли уніатскіе монахи (базиліане[3]). Положеніе православныхъ было критическое. По свидѣтельству игумена Ореста[4]), православные для общественной молитвы должны были собираться въ построенные за городомъ шалаши, но и здѣсь ихъ преслѣдовали, а православнымъ священникамъ запрещено было исполнять христіанскія требы.

Въ это время Могилевцы замышляютъ основать новый центръ для православія, задумываютъ возстановить братство и устроить православный монастырь. Пріобрѣтенъ былъ для этого пляцъ, который благодаря услугамъ князя Огинскаго[5]), объявленъ былъ „подъ шляхетскою вольностью находящимся“, и такимъ образомъ, имѣющій быть монастырь былъ застрахованъ отъ всякихъ притязаній на него уніатскихъ властей. 4 іюня 1619 г. храмъ и монастырь были заложены, но опять-таки постройка ихъ не могла идти спѣшно[6]).

Между тѣмъ, въ 1620 году, благодаря особенному участію казаковъ, въ Западной Россіи и Малороссіи была возстановлена

---

[1]) Археогр. сборн., т. II, прилож., стр. VII. Чистовичъ. Очер. ист. з.-р. ц., ч. II, стр. 243.

[2]) Арх. сбор., т. II, прилож., стр. VIII.

[3]) Тамъ же, стр. IX.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, № 26.

[6]) Преосв. Макарій, ист. р. ц., т. X, стр. 461.

православная іерархія. На Полоцкую каѳедру поставленъ былъ знаменитый въ то время ратоборецъ за православіе—Мелетій Смотрицкій[1]). И вотъ Могилевцы, такъ энергично отрекавшіеся отъ епископовъ Полоцкихъ—уніатовъ, теперь съ полною готовностью признаютъ епископа православнаго, признаютъ, не смотря даже на то, что Мелетій Смотрицкій, равно какъ и другіе православные іерархи, постановленные патріархомъ Ѳеофаномъ, королевскимъ указомъ (1621 г. 22 марта) былъ объявленъ незаконнымъ, его приказано было ловить и заключить въ тюрьму со всѣми тѣми, кто ему покровительствуетъ[2]). Очевидно,—за свою вѣру они рѣшились на все. То они мирно предлагали Кунцевичу 30,000 польскихъ флориновъ, чтобы онъ дозволилъ имъ свободу исповѣданія, не удалялъ отъ нихъ священниковъ (православныхъ) и прекратилъ свое преслѣдованіе православія; то, выведенные изъ терпѣнія, рѣшаются покончить съ фанатикомъ (такъ было въ Мстиславлѣ, гдѣ дворянинъ Мосальскій покушался убить его, но самъ получилъ смертельный ударъ отъ одного изъ слугъ архіепископа, такъ-же было въ Оршѣ, гдѣ мѣщане собирались утопить его въ Днѣпрѣ[3]), и наконецъ принимаютъ участіе въ заговорѣ на его жизнь[4]), окончившемся дѣйствительнымъ его убійствомъ въ Витебскѣ, 12 ноября 1623 г.[5]) Но эта смерть фанатика—Кунцевича не облегчила положенія Могилевцевъ. Церкви продолжали быть запечатанными, построеніе братской церкви должно было остановиться[6]), даже доселѣ ревностный защитникъ православія—Мелетій Смотрицкій перешелъ въ лагерь уніатовъ[7]). Отъ короля (Сигизмунда III) ждать было нечего: до конца своей жизни онъ остался вѣрнымъ слугою іезуитовъ.

Послѣ его смерти, въ 1632 г., на польскій престолъ вступилъ сынъ его Владиславъ IV. Численность православныхъ, и между ними знатныхъ родовъ, была такъ велика, а настоянія ихъ на избирательномъ сеймѣ такъ сильны, что польское правительство признало необходимымъ дать православной церкви независимое управленіе

---

[1]) Тамъ же, т. XI, стр. 251.

[2]) Чистовичъ. Очер. ист. з.-р. ц., стр. 26.

[3]) Преосв. Макарій. Ист. р. ц., т. XI, стр. 304, 305 и 306.

[4]) Вит. стар. т. I, стр. 223—38; т. V, стр. LXXX и LCVIII.

[5]) Тамъ же, т. V, стр. LXXVIII и слѣд.

[6]) Преосв. Макарій, т. XI, стр. 468.

[7]) Тамъ же, стр. 355.

и затѣмъ раздѣлить между православными и уніатами какъ епископскія каѳедры, такъ и нѣкоторые важнѣйшіе монастыри. Постановленіемъ избирательнаго сейма положено было: 1) быть двумъ митрополитамъ—православному и уніатскому, 2) Луцкую епархію немедленно отобрать у уніатскаго епископа, а Перемышльскую и Львовскую по смерти или перемѣщеніи тогдашняго уніатскагого епископа; въ великомъ княжествѣ Литовскомъ отдѣлить часть отъ Полоцкой уніатской епархіи для православной, съ наименованіемъ послѣдней Мстиславскою. Жить епископу Мстиславскому въ Могилевскомъ Спасскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено православнымъ свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, дозволеніе строить и починять церкви, заводить братства, богадѣльни, школы и типографіи, и свободное всѣмъ православнымъ исправленіе общественныхъ должностей. Въ слѣдующемъ 1633 году дѣйствительно утверждены избранные православными митрополитъ и епископы; на Мстиславскую каѳедру избранъ былъ Іосифъ Бобриковичъ[1]). Этимъ постановленіемъ полагалось основаніе самостоятельной Могилевской епархіи и православной іерархіи, существующей до настоящаго времени. Въ частности, относительно церквей и монастырей православнымъ нашей епархіи назначены были—въ Мстиславлѣ Троицкая и Спасская; въ Могилевѣ, кромѣ упомянутаго Спасскаго монастыря, опредѣленнаго для пребыванія архіерейскаго, четыре церкви: Успенская, Троицкая, Воскресенская и Вознесенская; въ Оршѣ—Ильинская и Воскресенская[2]). Но за то и уніатамъ было отдано не мало церквей, отданы были Онуфріевскій, Мстиславскій и Пустынскій монастыри[3]), а съ 1635 г.—Могилевскій Спасскій, взамѣнъ котораго православнымъ возвращена церковь Крестовоздвиженская[4]). Явный знакъ, что насилія предшествовавшаго царствованія успѣли уже сказаться отрицательнымъ образомъ и въ средѣ Могилевской паствы! Но нельзя не отдать чести справедливости и великодушію самого короля Владислава IV. Молодой, даровитый и воинственный, лично знакомый съ своеволіемъ шляхты и ея фанатизмомъ въ отношеніи православ-

[1]) Бантышъ-Каменскій. Истор. изв. объ уніи, стр. 95—101. Вит. стар. I, 529; V, 134—6; Чистов. II, 33.

[2]) Витеб. стар., т. V, стр. 133.

[3]) Тамъ же, стр. 128.

[4]) Чистовичъ. Оч. ист. з.-р. ц., т. II, стр. 245.

ныхъ[1]), онъ цѣлыми четырьмя конституціями старался защитить и охранить утѣсняемыхъ не-унитовъ, хотя самъ за это подвергался неудовольствію гонителей и донынѣ ими осуждается[2]). И Могилевская паства дѣйствительно при немъ вздохнула свободнѣе. За его царствованіе явилась возможность создать новые монастыри, какъ оплоты православія,—это Буйничскій, Барколабовскій и Тупичевскій[3]), и отстроить и освятить Могилево-Братскую Богоявленскую церковь[4]). Но съ половины XVII столѣтія, со смертью этого короля, настало другое время. Если доселѣ польское правительство, содѣйствуя уніатамъ, воздерживалось еще само открыто преслѣдовать православныхъ за православную вѣру, то теперь такія преслѣдованія обращаются въ систему, лишь бы дать полное торжество излюбленной уніи. Не оправдали надеждъ православныхъ здѣшняго края ни казацкія и Московскія войны съ Польшею, послѣ которыхъ польское правительство стало дѣйствовать еще рѣшительнѣе[5]). Оно не стѣснялось даже Московскимъ договоромъ 1686 г., по IX статьѣ котораго строго обязывалось не дѣлать никакого утѣсненія православнымъ и побужденія къ переходу ихъ въ унію, и полномочіемъ русскаго правительства наблюдать за исполненіемъ всего этого[6]).

Въ 1678 году введены были въ Могилевъ іезуиты, надѣленные большими привиллегіями и занявшіеся здѣсь открытой уніатской миссіей[7]), не разбиравшіе средствъ и хлопотавшіе уже объ упраздненіи Могилевской каѳедры православнаго епископа[8]). Но еще за шесть лѣтъ предъ симъ (именно въ 1672 г.) Могилевцы, по поводу просьбы ихъ назначить имъ православнаго епископа на мѣсто умершаго Ѳеодосія Василевича, изъ устъ самого короля Яна III Собѣсскаго услышали: „если Могилевцы желаютъ имѣть уніатскаго епископа, то онъ прикажетъ поставить таковаго въ Могилевѣ, а православному епископу никогда въ Могилевѣ быть не позволитъ; королю желательно, чтобы Могилевцы были уніатами и къ тому

[1]) Кояловичъ. Чтенія по ист. З. Россіи, стр. 230.
[2]) Митр. Евгеній. Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 178.
[3]) Могилев. Епарх. Вѣд. 1889 г., № 14—15, стр. 174.
[4]) Археогр. сбор., т. II, прилож., стр. XI.
[5]) Кояловичъ. Литов. ц. унія, т. II, стр. 227 и слѣд.
[6]) Чистовичъ. Оч. ист. з.-р. ц., II, стр. 45—46.
[7]) Археограф. сбор., т. II, прилож., стр. XXV.
[8]) Тамъ же, стр. XXVIII.

приступили бы добровольно, въ противномъ случаѣ будутъ въ уніи поневолѣ"[1]). И дѣйствительно, болѣе 20-ти лѣтъ Могилевская паства оставалась безъ епископа, и только настойчивость русскаго Двора заставила польское правительство уступить православнымъ[2]). Но уступка въ одномъ не измѣняла общей системы. А основою всѣхъ дѣйствій со стороны поляковъ съ половины XVII и во все продолженіе XVIII столѣтія былъ проэктъ уничтоженія русской вѣры и народности, обнаруженный впрочемъ только въ 1717 году. По этому проэкту указывалось преслѣдовать православныхъ и даже уніатовъ (такъ какъ они еще не католики) всѣми способами, презрѣніемъ, обвиненіями въ преступленіяхъ, клеветами, отнятіемъ у дворянства всякихъ должностей, у духовенства—матеріальныхъ средствъ, у всѣхъ вообще—всякихъ средствъ къ образованію и т. д.[3]). Нужно имѣть въ виду, что еще съ 1712 года Могилевская епархія изъ всѣхъ западно-русскихъ въ православіи оставалась одна[4]), слѣдовательно ея то главнымъ образомъ все это и касалось. Замойскій соборъ 1720 года провозгласилъ унію единственно законною церковію греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой. Всѣ захваченныя уніатами епархіи объявлены законно принадлежащими уніи; положено принять мѣры къ обращенію въ унію Бѣлорусской епархіи[5]). Не довольствуясь этою внѣшнею стороною дѣла, соборъ узаконилъ многія латинскія нововведенія въ уніи, узаконено было отмѣнить многіе православные обряды, издавать новыя церковныя книги, съ утвержденія самого папы[6]). Дальнѣйшее развитіе опредѣленій этого собора повело къ распоряженіямъ—священникамъ стричь волосы, брить бороды, носить одежду латинскихъ ксендзовъ[7]), въ храмахъ уничтожать иконостасы, вводить употребленіе колокольчиковъ и т. под.[8])

И вотъ длинною вереницею, однобразнымъ рядомъ изъ года въ годъ тянутся къ русскому правительству отчаянныя жалобы православныхъ на утѣсненія отъ латинянъ и олатинившихся уніатовъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Вит. стар., т. V, стр. CLVI.

[3]) Чистовичъ. Оч. ист. з.-р. ц. II, стр. 52—54.

[4]) Тамъ же, стр. 51.

[5]) Тамъ же, стр. 56.

[6]) Хойнацкій. Зап.-р. ц. унія въ ея богослуженіи и обрядахъ, стр. 1—12.

[7]) Кояловичъ. Ист. возсоед. уніатовъ древ. врем., стр. 8.

[8]) Морошкинъ. Вѣст. Евр., 1872 г. кн. IV, стр. 611.

жалобъ этихъ масса[1]). Русское правительство съ своей стороны дѣлало внушительныя представленія королю и сейму, добивалось иногда отъ королей польскихъ, какъ напр. отъ Августа II и Августа III привиллегій, обѣщаній и даже распоряженій о прекращеніи гоненій[2]), но такъ какъ все это давалось лишь для успокоенія русскаго правительства, то и оставалось только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ шло самымъ усиленнымъ образомъ насильственное отнятіе у православныхъ церквей и монастырей, такъ что въ началѣ второй половины XVIII столѣтія въ рукахъ православныхъ Могилевской епархіи оставалось всего 130 церквей[3]). Раскинулась цѣлая сѣть монастырей базиліанскихъ[4]). Уніатская церковь готова была поглотить церковь православную.

Но унія—это коварнѣйшее изобрѣтеніе іезуитовъ, распространенное, какъ мы видѣли, путемъ всевозможнаго рода насилій, все таки не могла подавить собою православія. Отторгнутые отъ православія насиліемъ въ унію не считали поконченнымъ свое дѣло съ православіемъ; уступая силѣ, они, какъ напр. въ м. Костюковичахъ, бѣжали на могилы своихъ отцовъ и дѣдовъ и взывали къ нимъ: „блаженны вы, умершіе во благочестіи"![5]) Имъ нуженъ былъ только опытный и самоотверженный руководитель и помощь православной Россіи. И надежды ихъ не обманули. Явились Георгій Конисскій и Екатерина II.

Какъ-бы предчувствуя плоды дѣятельности преосвященнаго Георгія на Могилевской каѳедрѣ, латино-польская партія употребляла самыя смѣлыя и вмѣстѣ самыя коварныя мѣры, лишь бы только не допустить его до занятія этой каѳедры[6]), а не достигнувъ этого, два раза чуть не лишила его жизни[7]). Но христіанское величіе духа дало средства этому необыкновенному іерарху вынести всѣ трудности и быть душею насильственно-увлеченныхъ въ унію. Видя усиленные захваты православныхъ приходовъ въ унію, слыша стоны ихъ и желаніе быть въ православіи[8]), преосвященный Георгій,

[1]) Ихъ много собрано у Бантышъ-Каменскаго.
[2]) Археогр. сбор., т. IV, № 57.
[3]) Григоровичъ. Собр. соч. Геор. Конис., ч. II, стр. 198.
[4]) Чистовичъ. Оч. ист. з.-р. ц., II, стр. 373—376.
[5]) Григоровичъ. Собр. соч. Геор. Кон., ч. I, стр. XXI.
[6]) Странникъ 1868 г., мартъ, стр. 85. Христ. Чт. 1873 г., ч. I, стр. 13—14.
[7]) Григоровичъ. Собр. сочин. Геор. Кон., ч. I, стр. XVIII—XIX и XXIV.
[8]) Чистовичъ. Очер. ист. з.-р. ц., ч. II, стр. 268.

какъ и естественно, за помощію обратился къ Россіи и, хотя и не скоро, дождался ея въ царствованіе Екатерины II.

Эта Императрица, заявившая при самомъ вступленіи своемъ на русскій престолъ, что она выступаетъ на защиту православія отъ иноземныхъ посягательствъ[1]), милостиво внявшая Георгію Конисскому на своей коронаціи[2]), а на польскій престолъ возведшая своего избранника, Станислава Понятовскаго[3]),—сильно воодушевила приниженныхъ уніатовъ и ихъ ходатая, Георгія Конисскаго. Опять отовсюду стали присылаться въ Петербургъ жалобы на притѣсненія, однако и этимъ жалобамъ, равно какъ и предыдущимъ, не суждено было принести пользы до тѣхъ поръ, пока не совершился первый раздѣлъ Польши. Съ этимъ раздѣломъ, когда Бѣлоруссія вошла въ составъ Русскаго государства, радикально измѣнялось положеніе православныхъ и уніатовъ въ этомъ краѣ. Прекратились насилія, уніатская пропаганда должна была остановиться, но политическія соображенія русскаго правительства и своеобразное пониманіе мѣропріятій послѣдняго латино-польскою партіею еще цѣлыхъ восемь лѣтъ держали уніатовъ, желавшихъ возсоединенія, въ крайне-мучительномъ состояніи. Уніатскіе священники и цѣлые приходы массами дѣлали заявленія Могилевскому преосвященному о своемъ добровольномъ и рѣшительномъ желаніи присоединиться къ православію[4]). Конисскій старался помочь имъ, составилъ для нихъ образецъ прошеній, усиленно ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ, просилъ о построеніи новыхъ храмовъ, предлагалъ „для лучшаго утвержденія истины“ свидѣтельствовать добровольное желаніе ихъ присоединиться къ православію „не въ одиночно кому, но въ присутственномъ мѣстѣ, какъ то въ губернской Могилевской канцеляріи“[5]), но иностранная коллегія, чрезъ которую велись тогда эти дѣла, молчала, и Св. Синодъ вынужденъ былъ отвѣтить ходатаю за уніатовъ, чтобы „принятіемъ желающихъ цѣлыми приходами или селеніями до будущаго разсмотрѣнія воздержаться“[6]). Отворены были двери въ православіе узникамъ уніи только въ 1780 году. Въ этомъ

---

[1]) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос., стр. 274.

[2]) Григоровичъ. Собр. соч. Геор. Кон., ч. I, стр. XXVIII.

[3]) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос., стр. 274.

[4]) Кояловичъ. Исторія возсоед. уніат., стр. 123 и слѣд.

[5]) Тамъ же, стр. 125—128.

[6]) Тамъ же, стр. 130.

году, 2 іюля, Екатерина II издала рескриптъ Бѣлорусскому намѣстнику гр. Чернышеву, разрѣшившій спрашивать въ вакантныхъ уніатскихъ приходахъ народъ, желаетъ ли онъ быть въ уніи или въ православіи, и, въ случаѣ желанія его принять православіе, назначать туда православныхъ священниковъ[1]). Лишь только это стало извѣстнымъ, народъ, даже не обращая вниманія, вакантны ли у него приходскія церкви или нѣтъ,—„стадами", какъ выражается Георгій Конисскій, сталъ приходить и подавать ему прошенія о возсоединеніи[2]), такъ что въ теченіе какого-нибудь мѣсяца въ Могилевской епархіи присоединилось къ православію около 10,000 уніатовъ, а въ теченіе трехъ лѣтъ (1781 г., 1782 и 1783), по доставленнымъ Георгіемъ Конисскимъ свѣдѣніямъ въ Св. Синодъ, въ Могилевской епархіи число возсоединившихся простиралось до 112,578 человѣкъ[3]). Послѣ 2-го и 3-го раздѣла Польши возсоединеніе уніатовъ уже не встрѣчало для себя никакихъ ограниченій. Въ 1795 году въ предѣлахъ Могилевской епархіи обнародовано, по Высочайшему повелѣнію, посланіе преемника Георгія Конисскаго, преосвященнаго Аѳанасія, приглашавшее уніатовъ принимать православіе[4]). Эта мѣра имѣла могущественное дѣйствіе, такъ что въ теченіе 2-хъ лѣтъ присоединилось уніатовъ въ предѣлахъ Могилевской епархіи 66005 человѣкъ, въ присоединенной въ 1795 г. къ Могилевской епархіи—губерніи Полоцкой[5])—41,680 чел., да нераздѣльно по обѣимъ губерніямъ—7,309 человѣкъ[6]). Велики эти цифры, съ вышеуказанными, для одной епархіи, но онѣ еще не точно опредѣляютъ всѣхъ возсоединившихся; несомнѣнно одно, что значительно большая часть уніатовъ возсоединилась съ православіемъ, осталась же въ уніи только часть меньшая. Въ 1795 году уніатская церковь замыкалась уже въ одной только епархіи, подъ названіемъ Бѣлорусской[7]). И не оставь Екатерина II іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, поживи еще нѣсколько лѣтъ, чтобы сократить орденъ базиліанскій,

---

[1]) Собр. закон., № 15028.
[2]) Кояловичъ. Ист. воз. уніат., стр. 210—211.
[3]) Тамъ же, стр. 213.
[4]) Археограф. сборн., т. II, прилож., стр. LXXIII—LXXIV.
[5]) П. С. Зак. №№ 17289 и 17333. Витеб. Стар., т. V, стр. CXVIII—CXIX.
[6]) Гр. Толстой. Рим. катол. въ Россіи, т. II, стр. 90, примѣч. 2.
[7]) П. С. Зак. № 17384.

къ чему уже направлялись ея мѣропріятія[1]),—словомъ отстрани только русское правительство вмѣшательство католицизма духовнаго и свѣтскаго, т. е. ксендзовъ и польскихъ помѣщиковъ,—унія бы уничтожилась[2]).

Но этого не случилось. Напротивъ, со смертью Екатерины II, унія, такъ явно направлявшаяся къ своему естественному соединенію съ православіемъ, получила искусственную поддержку для своего существованія,—даже направлена была по пути уже не къ православію, а къ латинству. Дѣло въ томъ, что поляки возбудили въ Павлѣ Петровичѣ сильное сожалѣніе объ ихъ печальной участи. Онъ сталъ возвращать ихъ изъ ссылки за смуту 1794—5 гг. и возвращать имъ конфискованныя имѣнія, изъ которыхъ выводилъ русскихъ людей, вознаграждая послѣднихъ имѣніями внутри Имперіи, на всемъ пространствѣ возсоединенныхъ областей далъ силу литовско-польскому законодательству и даже дозволилъ собирать сеймики для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршаловъ и др. чиновныхъ людей. Польское вліяніе въ западной Россіи еще болѣе упрочилось отъ того, что поляки были введены въ русское дворянство и русское чиновничество. А въ довершеніе всего,—къ Императору Павлу нашла доступъ и латинская іерархія. Іезуиты, во главѣ съ своимъ генераломъ Губеромъ, забрались во дворецъ[3]). Латино-польская партія торжествовала. Подъ ея вліяніемъ не только возстановлены были уже закрытые при Екатеринѣ II уніатскія епархіи, но уніаты были подчинены управленію устроенной тогда римско-католической коллегіи[4]), безъ права представительства уніатовъ въ этой послѣдней[5]). Такимъ образомъ выходило то, чего въ теченіе двухъ вѣковъ не рѣшался предпринять самъ Римъ: уніатская церковь явилась въ полномъ и открытомъ подчиненіи у католиковъ. Такое же положеніе дѣлъ было и въ первое время царствованія Императора Александра I, находившагося подъ вліяніемъ поляка Чарторыйскаго[6]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Гр. Толстой. Рим. кат. въ Рос., т. II, стр. 94.

[3]) Кояловичъ. Историч. возсоед. уніат., стр. 393. Чтенія, стр. 309—311; Морошкинъ, іезуиты въ Россіи, ч. I, глава 3-я и слѣд.

[4]) П. С. Зак., т. XXV, № 18,503.

[5]) Тамъ же, т. XXVI, № 19,684.

[6]) Витеб. Стар., т. V, стр. CXX.

Не удивительно, поэтому, что католики пришли къ убѣжденію, что унія сама по себѣ не надежна. Быстрое и многочисленное возсоединеніе уніатовъ при Екатеринѣ II было на лицо. Отсюда лучше всего уніатовъ обратить въ католицизмъ. И вотъ въ этомъ духѣ и начинается теперь ихъ дѣятельность. Наличные уніаты олатиниваются, православные пока совращаются въ унію. При посредствѣ частью уже старыхъ испытанныхъ мѣръ, частью же новыхъ[1]) дѣло пошло быстро. Еще въ 1798 году въ одномъ Сѣнненскомъ уѣздѣ было совращено 500 домовъ[2]), а около 1803 г. число совращенныхъ въ Бѣлоруссіи доходило почти до 100,000 человѣкъ[3]).

Но въ то самое время, когда уніатская церковь доводилась до такого отчаяннаго положенія, въ средѣ ея самой явились люди, которые поставили себѣ задачею избавить эту церковь отъ латинскихъ наростовъ и вообще отъ латинскаго порабощенія. Во главѣ ихъ стоялъ Ираклій Лисовскій, сначала архимандритъ Мстиславскаго Онуфріевскаго уніатскаго монастыря, затѣмъ архіепископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій и наконецъ митрополитъ уніатскій[4]). Съ этою цѣлію онъ, еще въ санѣ архимандрита, въ подчиненномъ ему Онуфріевскомъ монастырѣ устроилъ иконостасъ и приступилъ къ постепенному уничтоженію латинскихъ нововведеній[5]), а сдѣлавшись епископомъ,—тоже старался дѣлать и въ церквахъ ввѣренной ему епархіи[6]). Для изученія православныхъ обрядовъ онъ самъ путешествовалъ въ Іерусалимъ[7]), послѣ чего еще дѣятельнѣе принялся за начатое дѣло[8]). Но это еще одна сторона дѣла. Нужно было придать самостоятельность управленію уніатской церкви, безъ чего, разумѣется, всѣ указанныя мѣры не имѣли бы существеннаго значенія. И вотъ, по ходатайству того же Лисовскаго, въ 1804 году, Высочайше было разрѣшено уніатской церкви имѣть представительство въ римско-католической коллегіи, а въ слѣдующемъ году эта коллегія была раздѣлена на два департамента, изъ

---

¹) Кояловичъ. Ист. воз. уніат., стр. 384—397

²) Тамъ же.

³) Гр. Толстой. Рим. кат. въ Рос., т. II, стр. 360.

⁴) Записки Василія Лужинскаго, архіеп. Полоцкаго, стр. 23, 24 и 36.

⁵) Тамъ же, стр. 23.

⁶) Тамъ же, стр. 25.

⁷) Тамъ же стр. 28—29.

⁸) Тамъ же, стр. 30.

которыхъ второй спеціально бы завѣдывалъ дѣлами уніатскими, хотя дѣла общія должны были рѣшаться въ общихъ собраніяхъ[1]). Словомъ, ратуя за возвращеніе уніатской церкви къ ея первобытному устройству и обрядамъ, которые папы торжественно обязались сохранять при введеніе уніи, Лисовскій успѣлъ значительно подорвать силу и особенное значеніе въ уніи базиліанъ, выдвинулъ впередъ бѣлое духовенство, которое всегда было твердою опорою народнаго и православнаго элемента въ уніи, и для образованія послѣдняго основалъ Полоцкую уніатскую семинарію[2]), но Лисовскій не успѣлъ сдѣлать еще многаго (умеръ въ 1809 г.). Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и его пріемникъ, архіепископъ Полоцкій Красовскій, павшій жертвою озлобленныхъ уніатовъ[3]); но голосъ ихъ не замеръ. За ними стояла значительная уніатская партія. Это было лучшее бѣлое духовенство уніатской церкви. Мало того. Изъ среды этого духовенства выдвигалось новое молодое поколѣніе, которое уже не ограничивалась программою Лисовскаго и Красовскаго, а пошло далѣе, къ прямому возсоединенію уніатовъ съ православіемъ.

Горизонтъ Лисовскаго и Красовскаго не простирался далѣе поддержанія уніи, ихъ время дѣятельности является періодомъ очищенія уніатской церкви отъ латинскихъ наростовъ, безъ ясной мысли о возсоединеніи[4]). Молодое поколѣніе уже ставило вопросъ, законна ли сама унія, имѣетъ ли она историческія и догматическія права на свое существованіе, не есть ли она не только измѣна православію, но и измѣна русской народности, посягательство полонизма на самостоятельность и права послѣдней.

Во главѣ этого поколѣнія стоялъ знаменитый Іосифъ Сѣмашко, виновникъ воспоминаемаго сегодня торжества. Но слово объ немъ предоставлено другому.

---

[1]) Гр. Толстой, Рим. кат. въ Рос., т. II, стр. 361—363.

[2]) Тамъ же, стр. 365—393. Записки Лужин., стр. 32—35.

[3]) Записки Лужин., стр. 39—58; Гр. Толстой, т. II, стр. 384.

[4]) Статьи проф. Кояловича въ Церков. Вѣст., за 1889 г., №№ 9, 10, 11, 12 и 13.

РѢЧЬ

преподавателя семинаріи А. А. Скворцова, сказанная въ день празднованія пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ.

Празднуя сегодня одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи мѣстнаго края за текущее столѣтіе—именно возвращеніе въ лоно Православной Церкви полутора милліона ея членовъ, потомство явилось бы неблагодарнымъ, если бы не вспомнило о томъ великомъ дѣятелѣ, рукою котораго главнымъ образомъ совершилось это событіе. Этотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ человѣкъ, этотъ великій государственный дѣятель былъ іерархъ Русской Церкви—митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко. О немъ и будетъ наша рѣчь въ настоящее время.

Удостоенный чести говорить въ залѣ учебнаго заведенія, я прежде всего остановлюсь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ періода воспитанія митрополита Сѣмашки и потомъ скажу о немъ, какъ общественномъ дѣятелѣ.

Воспитаніе Іосифа Сѣмашки подтверждаетъ старую, въ то же время всегда новую и вѣчно современную истину о неотразимомъ вліяніи впечатлѣній дѣтства на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность человѣка. Біографу Сѣмашки нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ-либо произвольнымъ догадкамъ и толкованіямъ: ему достаточно раскрыть собственныя записки митрополита, писанныя имъ въ лѣта почтенной старости, и предоставить ему самому говорить о себѣ и за себя. Подозрѣнія въ неискренности въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Всегда правдивый и прямой, во время составленія своихъ записокъ бывшій уже недалеко отъ дверей гроба, іерархъ Русской Церкви на первой же страницѣ своей автобіографіи говоритъ: „Богъ да будетъ мнѣ судіею, если сказаніе мое допуститъ въ чемъ-либо малѣйшую неправду“[1]).

„По народности Іосифъ Сѣмашко былъ русскимъ изъ малороссійскаго племени,—изъ того племени, которое какъ-бы въ самой крови своей, говоритъ профессоръ Кояловичъ, заключаетъ стремленіе къ русской православной жизни и изъ котораго вышло столько

---

[1]) Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академіею наукъ по завѣщанію автора. СПБ. 1883. т. I. стр. 1.

знаменитыхъ поборниковъ западно-русской церкви и народа"[1]). Моя родина, говоритъ самъ митрополитъ Сѣмашко, была поприщемъ двухвѣковой кровавой борьбы между малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народость, и ихъ притѣснителями поляками. Эта борьба оживляетъ и нынѣ ненавистію ко всему польскому населенію, между коимъ я провелъ свое юношество. Я слушалъ съ участіемъ разсказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ тяжкимъ его стонамъ—и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Вотъ, вѣроятно, основаніе нѣкотораго отвращенія, которое всегда питалъ я къ полякамъ, и сочувствія къ Россіи. Помню еще и нынѣ, какъ сильно билось мое дѣтское сердце при видѣ стройныхъ русскихъ войскъ; помню, съ какою отрадою слушалъ я разсказы старыхъ служивыхъ и русскія ихъ пѣсни; помню, какъ меня, малютку, ласкали русскіе офицеры"... „Нужно еще прибавить, что въ домѣ моихъ родителей никогда не говорили по польски, но на мѣстномъ русскомъ, т. е. малороссійскомъ нарѣчіи. Мать моя до конца жизни не знала по польски, а я самъ научился польскому языку уже впослѣдствіи"[2]).

Родиной Сѣмашки было село Павловка, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи[3]). Это было когда-то чисто православное мѣстечко, гдѣ священникомъ былъ родной дѣдъ митрополита. Во второй половинѣ прошлаго вѣка этотъ дѣдъ перешелъ въ унію и сдѣлался уніатскимъ священникомъ. Но этотъ старикъ не измѣнилъ своей внѣшности: внукъ съ дѣтства помнилъ его сѣдые волосы и бороду. Римскій дворъ обрилъ уніатское духовенство и одѣлъ его въ ксендзовскіе костюмы только въ концѣ прошлаго столѣтія[4]).

---

[1]) См. статью М. О. Кояловича „О почившемъ митрополитѣ Литовскомъ Іосифѣ". Христ. Чт. 1868. Декабрь. стр. 916.

[2]) Записки т. I. стр. 2 и 3.

[3]) Среди разныхъ документовъ у преосвященнаго Іосифа сохранилась подлинная грамота царя Алексѣя Михайловича, данная шляхтичу „Мстиславского и Оршанского повѣту" Ивану Сѣмашкѣ на владѣніе деревнями (Черчичи и Рокшина) въ Оршанскомъ и Мстиславскомъ уѣздахъ, отъ 20 августа 1654 г. См. эту грамоту въ 1-мъ т. Записокъ стр. 445. Не потому ли впослѣдствіи Іосифъ Сѣмашко, при назначеніи во епископы, получилъ наименованіе Мстиславскаго?

[4]) См. монографію графа Д. А. Толстаго: „Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и возсоединеніе уніатовъ съ Православною Церковію въ 1839 г." СПБ. 1869 г. стр. 3.

Родился Сѣмашко въ 1798 г. Не безъинтересно,—скажемъ словами проф. Кояловича,—что „рожденіе будущаго великаго іерарха, имѣвшаго, по волѣ Провидѣнія, возсоединить съ православною церковію милліоны уніатскаго народа, произошло въ день Рождества Христова и именно въ ту минуту, когда колоколъ православной церкви въ Павловкѣ ударилъ къ заутренѣ“[1]). Это обстоятельство, говоритъ самъ митрополитъ Іосифъ, отозвалось впослѣдствіи, когда совершилось самое возсоединеніе уніатовъ. Отецъ мой, не знавшій ничего предварительно объ этомъ (возсоединеніи) сказалъ: „видно, не даромъ родился онъ въ тотъ же день, что Іисусъ Христосъ... должно быть правда на его сторонѣ“,—и покорился Православной Церкви[2]).

Родители І. Сѣмашки[3]) были строгіе, искренніе уніаты, не отличавшіеся однако фанатизмомъ. Не принявъ православія при возсоединеніи уніатскаго народа въ царствованіе Императрицы Екатерины, они тѣмъ не менѣе были чужды предубѣжденій противъ православія. Отецъ иногда посѣщалъ мѣстную православную церковь, пока въ 1811 г. не сдѣлался уніатскимъ священникомъ[4]); уніатка мать, лѣтнею порою, во время богослуженія въ православномъ храмѣ, молилась въ саду, отстоявшемъ отъ церкви шагахъ въ десяти. Мальчикъ Іосифъ до двѣнадцатилѣтняго возраста, по приказанію отца, ходитъ

---

[1]) Кояловичъ. Тамъ же.

[2]) Записки т. I. стр. 1.

[3]) Отецъ содержался отъ пятидесяти десятинъ земли, доставшейся ему пожизненно послѣ его родителя, и отъ чумачества, т. е. отъ посылки собственныхъ подводъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою, а впослѣдствіи покупкою воловъ и перепродажею ихъ. Во всѣхъ хозяйственныхъ и хлѣбопашескихъ занятіяхъ сынъ съ дѣтства помогалъ отцу. „Это, вѣроятно,—говоритъ преосвященный Іосифъ,—укрѣпило на всю жизнь мое здоровье и отвлекало меня отъ обыкновенныхъ шалостей дѣтскаго и юношескаго возраста.“ Записки т. I стр. 4.

[4]) Это былъ священникъ безмѣстный, безприходный. Послѣ того какъ въ Западно-Русскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, произошло обращеніе уніатскаго народа въ православіе, такихъ безмѣстныхъ уніатскихъ священниковъ было довольно значительное число. См. между прочимъ записки самого Сѣмашки т. I стр. 7. Населеніе Павловки также сдѣлалось православнымъ и уже дѣдъ Іосифа остался безъ прихода (стр. 2.). Павловецкая церковь тогда же сдѣлалась снова православною (см. Кояловича, тамъ же). Значитъ мнѣніе г. Кедрова (см. его статью „Литовскій митрополитъ І. Сѣмашко. Правосл. Обозр. 1887. Ноябрь. стр. 548), будто отецъ Іосифа былъ приходскимъ священникомъ при мѣстной уніатской церкви ошибочно. Такой церкви въ Павловкѣ не было, какъ видно изъ нижеприводимыхъ нами словъ самого преосвященнаго Іосифа.

въ тотъ же православный храмъ и, по возвращеніи оттуда, разсказываетъ родителямъ, по непремѣнному требованію отца, содержаніе читанныхъ Апостола и Евангелія. „Эти впечатлѣнія дѣтства, говоритъ самъ митрополитъ Сѣмашко, сроднили меня сердцемъ и душею съ Православною Церковію и съ русскимъ богослуженіемъ, такъ что, когда меня начали возить въ латинскій костелъ, по недостатку въ той странѣ уніатскихъ церквей, мнѣ все показалось страннымъ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ дѣтства должно, вѣроятно, искать основанія приверженности моей къ Православной Церкви, которая (приверженность) впослѣдствіи столь гласно обнаружилась самымъ дѣломъ“[1]).

Вотъ та духовная атмосфера, тотъ воздухъ, которымъ дышалъ мальчикъ Іосифъ со дня своего рожденія. Прибавимъ къ этому еще то, что онъ видѣлъ въ своемъ отцѣ и матери всегда примѣры высокой нравственности. „Никогда мы (дѣти), говоритъ онъ, не видѣли въ родителяхъ своихъ ничего предосудительнаго: благочестіе, честность и благонравіе всегда представлялись глазамъ нашимъ. Отецъ берегъ насъ съ крайнимъ стараніемъ отъ внѣшнихъ дурныхъ впечатлѣній и примѣровъ. Это бдительное смотрѣніе и домашній примѣръ, вѣроятно, и поселили во мнѣ то высокое нравственное чувство, которое развилось впослѣдствіи сознательно и не оставляло меня никогда“[2]).

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ изъ семейнаго быта Сѣмашки, которое, по словамъ его самого, имѣло важное вліяніе на его будущность. „По рѣдкому нынѣ, а еще рѣже за пятьдесятъ лѣтъ случаю, говоритъ онъ, между деревенскими жителями состоянія моихъ родителей у отца была небольшая библіотека изъ книгъ довольно хорошихъ, особенно историческаго содержанія. Онъ во всякое свободное, особенно зимнее время любилъ заниматься чтеніемъ. По подражанію ли, или по естественному душевному направленію началъ я читать[3]) эти книги и послѣ столь къ нимъ пристрастился, что всѣ ихъ прочелъ по два и по три раза. Такимъ образомъ римскую исторію въ двухъ томахъ, англійскую въ трехъ

---

[1]) Записки т. I стр. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Грамотѣ Іосифа Сѣмашку училъ добрый старичекъ Бочковскій изъ православнаго духовнаго званія (Записки т. I, стр. 4). Этотъ фактъ служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что въ семьѣ Сѣмашки не было предубѣжденій противъ православія. См. монографію графа Толстаго, стр. 4.

и другія я зналъ въ дѣтствѣ почти наизусть; самое Св. Писаніе, нечего грѣха таить, особенно историческую его часть, въ девять лѣтъ зналъ я лучше, нежели нынѣ—я прочиталъ Библію въ родительскомъ домѣ три раза. Словомъ, для меня было лучшее удовольствіе достать новую книгу,—и эта страсть къ чтенію осталась при мнѣ навсегда. Она-то, можетъ быть, сохранила меня въ жизни отъ многаго, чему предается праздное юношество" [1]).

Мальчику 11 лѣтъ. По своимъ нравственнымъ задаткамъ, по умственному развитію и по своимъ знаніямъ онъ вполнѣ готовъ къ поступленію въ школу. Окажется школа хорошею—добрыя сѣмена, заложенныя въ душу дитяти, разовьются подъ сѣнію науки и принесутъ пышный плодъ. Будетъ школа дурна—тѣ же добрые дѣтскіе задатки спасутъ его отъ уклоненія на путь порока и зла. Школа, въ которую опредѣленъ былъ маленькій Іосифъ, была послѣдняго рода. Это были „Немировскія гимназіальныя училища", которыя, подобно всѣмъ тогдашнимъ гимназіямъ, совершенно не соотвѣтствовали своему назначенію ни въ учебномъ, ни въ воспитательномъ отношеніяхъ. Вотъ какъ описываетъ свою Немировскую гимназію самъ митрополитъ Іосифъ: „отличнымъ началамъ, полученнымъ мною въ домѣ родительскомъ, обязанъ я своими успѣхами въ гимназіи,—не знаю, чему бы я безъ нихъ выучился въ двухъ низшихъ классахъ. Теперь едва ли поймутъ, какіе въ прежнія времена были учителя. Одинъ изъ нихъ, добрый старичекъ, не знаю, бывалъ ли въ классѣ и четверть урочнаго времени. Я у него былъ первымъ почти цѣлый годъ въ званіи auditor auditorum, т. е. наблюдалъ и отмѣчалъ знаніе уроковъ авдиторами, исполнявшими подобную обязанность въ отношеніи прочихъ учениковъ. Помню, какъ бывало въ самомъ началѣ урока скажетъ мнѣ: „слушай, Сѣмашко", а самъ отправляется въ училищныя сѣни, гдѣ часто весь урокъ проводитъ съ другими учителями въ шумныхъ разговорахъ. Тогда ученики начинаютъ трепать поочередно урокъ, громко, наизусть или по книгѣ, какъ попало. Разумѣется, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, я не могъ соблюсти порядка между семидесятью моими соучениками, изъ которыхъ половина могла бы носить меня на рукахъ. Часто поднимается шумъ и гвалтъ. Тогда отворяются изъ сѣней двери, показывается голова учителя съ громкимъ словомъ „молчать"—и все по прежнему: учи-

[1]) Записки т. I. стр. 5.

теля расхаживаютъ, а мы треплемъ урокъ. Къ концу является мой учитель: если есть еще время, просматриваетъ замѣтки о знаніи уроковъ, наказываетъ незнающихъ, а наконецъ беретъ учебникъ и назначаетъ ногтемъ слѣдующій урокъ, говоря: „съ этого мѣста по это". Подобнымъ порядкомъ обращался я не только съ уроками, обыкновенно заучиваемыми наизусть, но даже съ ариѳметикою и географіею. Я выручалъ, какъ могъ, моего учителя въ ариѳметикѣ, а въ географіи, если вспомню частыя его грубыя ошибки, подумаю иногда, прости Господи, что я зналъ въ ней больше толку, нежели онъ. Другой учитель былъ прилежнѣе къ урокамъ и, кажется, зналъ побольше, но это была воплощенная злоба. Я на него смотрѣлъ, какъ на змѣю, и часто не могъ сказать урока, хотя и зналъ его совершенно. Объ этомъ учителѣ и до сихъ поръ не могу я вспомнить безъ непріятнаго ощущенія". Этотъ же учитель былъ очень пристрастенъ: онъ, подобно всѣмъ Немировскимъ учителямъ, держалъ учениковъ у себя на квартирѣ и, подобно многимъ, не только дѣлалъ своимъ „конвикторамъ" всевозможныя послабленія, но даже удостоивалъ ихъ наградъ, „попирая дѣйствительныя достоинства другихъ"[1]).

Но нѣтъ худа безъ добра, говоритъ русская пословица. „Помню, замѣчаетъ преосвященный Іосифъ, разсказавъ о пристрастныхъ учителяхъ,—какъ возмущалось мое дѣтское сердце неправеднымъ ихъ предпочтеніемъ плохихъ конвикторовъ лучшимъ ученикамъ. Но кто знаетъ, продолжаетъ онъ, не это ли посѣяло во мнѣ строгія правила правосудія и нелицепріятія, которыя, при Божіей помощи, находили во мнѣ всегда мои подчиненные?"[2]) Предположеніе весьма вѣроятное. Всѣмъ педагогамъ извѣстно, что въ раннемъ дѣтствѣ окружающая ребенка среда дѣйствуетъ на него неотразимо-сильно въ добромъ или худомъ направленіи. Въ школьный же періодъ замѣчаются иногда на первый взглядъ довольно странныя явленія. Такъ бываетъ, что никакія добрыя внушенія педагоговъ, никакіе нравственные примѣры не дѣйствуютъ на извѣстнаго питомца-школьника и напротивъ въ иныхъ дурное вызываетъ стремленіе къ добру. Въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ всю силу и оказываетъ свое могущественное вліяніе воспитаніе домашнее. Это между про-

---

[1]) Записки т. I стр. 8, 9.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

чимъ мы и видимъ на юношѣ Іосифѣ Сѣмашкѣ, вышедшемъ изъ семьи съ прочными нравственными задатками. Ясно отсюда, какъ важно нравственное воспитаніе семейное и какъ неблагоразумны родители, которые всю подготовку своего ребенка въ школѣ ограничиваютъ приготовленіемъ его лишь къ сдачѣ вступительнаго экзамена и не прилагаютъ особеннаго старанія къ укрѣпленію въ немъ съ дѣтства прочныхъ нравственныхъ началъ.

Не все однако было дурно въ Немировской гимназіи. „Въ высшихъ классахъ, говоритъ преосвященный Іосифъ, я имѣлъ двухъ отличныхъ учителей. По нимъ я понялъ, что значитъ хорошій наставникъ—я былъ весь вниманіе на ихъ урокахъ, они же меня цѣнили и любили“[1]. Отдыхая душею на урокахъ этихъ учителей, юноша находилъ еще наслажденіе въ чтеніи. „Для меня римская и греческая исторія, столько прославлявшая патріотизмъ и личное самопожертвованіе въ пользу общества, была непреложною истиною. Я съ особеннымъ наслажденіемъ читалъ Плутарха, Сенеку, Тацита и всѣ сочиненія, превозносившія добродѣтель и громившія пороки. Для меня изреченія древнихъ: „pereat mundus, fiat justicia“, или „Si totus illabatur mundus, impavidum ferient ruinae“ были не пустыми фразами[2]. Подъ вліяніемъ этого между прочимъ чтенія у молодаго ученика „образовывалось что-то дѣйствительно стоическое“, что мы и видимъ въ позднѣйшей его дѣятельности.

Немировская гимназія въ концѣ-концовъ справедливо оцѣнила ученика Іосифа Сѣмашко: онъ кончилъ курсъ первымъ и получилъ отличный аттестатъ[3].

Жаждавшій знаній юноша предпринимаетъ теперь семисотверстное путешествіе на долгихъ въ г. Вильну. Въ Вильнѣ былъ въ то время университетъ, а при немъ главная семинарія, представлявшая собою нѣчто въ родѣ богословскаго факультета или духовной академіи. Эта семинарія была основана для доставленія высшаго богословскаго образованія римско-католическимъ и уніатскимъ воспитанникамъ. „Главнымъ начальникомъ Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ западныя губерніи, былъ въ то время князь Адамъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 29, 30.

[3]) Документъ этотъ на польскомъ языкѣ помѣщенъ въ 1-мъ т. Записокъ на стр. 448.

Чарторыйскій, желавшій, по характерному выраженію одного изъ бывшихъ воспитанниковъ университета, сдѣлать Польшу болѣе живучею по ея смерти, нежели какою она была при своей жизни. Основою развитія молодежи, по его системѣ, было картинное изображеніе предъ нею Польши, но не той, какою она была въ дѣйствительности, а Польши идеальной, представлявшей собою образецъ соціальнаго совершенства; поэтому, съ особенною материнскою нѣжностію, развивались предъ молодыми людьми всѣ мелочи историческія и устранялось все, дававшее фактамъ ихъ истинный видъ. Затѣмъ всюду слышались отзывы о любви къ отечеству, подъ которымъ опять таки разумѣлась Польша, но отнюдь не Россія. Россію называли Москвою, которая изображалась какою-то злою силою, мертвящею все живое и оледеняющею всякія чувствованія. Подобными лекціями тѣмъ вѣрнѣе достигалась цѣль, что весь смыслъ ихъ часто заключался не въ живомъ словѣ, а въ намекахъ, ужимкахъ и недомолвкахъ, которыми давалось понять, что въ недоговоренномъ-то и заключается вся сила ужасовъ. Для прочности же всѣхъ этихъ впечатлѣній, которыя могли бы измѣниться подъ вліяніемъ истины, приняты были всѣ мѣры къ устраненію чтенія русскихъ книгъ[1]).

Вотъ общій духъ, который царилъ тогда въ Виленскомъ университетѣ. „Нужно было имѣть, говоритъ проф. Кояловичъ, великую крѣпость русской народности и великую силу ума, чтобы понять внутреннюю ложь этого великолѣпнаго по внѣшности просвѣщенія университета и не пасть въ немъ подобно многимъ другимъ уніатамъ-бѣлоруссамъ и малороссамъ“. И восемнадцатилѣтній юноша Іосифъ не палъ: онъ „вышелъ невредимымъ изъ этой заманчивой школы полонизма и латинства[2]). „Гдѣ было искушеніе, говоритъ самъ Сѣмашко, тамъ явилось и противоядіе. Не знаю, по какому поводу или по чьему распоряженію (кажется это было случайно[3]), професора Вилен-

---

[1]) См. статью архіепископа Антонія (Зубко) „О греко-унитской церкви“. Русскій Вѣст. 1864 г. Сентябрь. стр. 298. Эта прекрасная статья недавно перепечатана съ примѣчаніями М. О. Кояловича. См. брошюру „Семь проповѣдей митрополита Литовскаго Іосифа и о греко-унитской церкви въ западномъ краѣ Россіи воспоминанія Архіепископа Антонія“. СПБ. 1889.

[2]) Цитированная выше статья въ Христ. Чт. стр. 917.

[3]) Архіепископъ Антоній Зубко очень вѣрно объясняетъ это обстоятельство. Онъ говоритъ: „либеральный умъ князя Адама Чарторійскаго, видимо желалъ освободить здѣшнее римско-католическое духовенство отъ ультрамонтанска-

скаго университета приняли тогда по богословскимъ наукамъ въ руководство учебники, употреблявшіеся въ австрійскхъ университетахъ. Они составлены подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II[1]), и устремлены самымъ сильнымъ образомъ противъ злоупотребленій папской власти. Любо было послушать уважаемаго мною професора Клонгевича: съ какимъ жаромъ онъ возставамъ противъ этихъ злоупотребленій и какъ онъ по всѣмъ источникамъ пріискивалъ подтвержденія своихъ уроковъ. Съ другой стороны профессоръ каноническихъ правъ, свѣтскій человѣкъ систематически и съ какимъ-то наслажденіемъ преслѣдовалъ при всякомъ случаѣ самыми ѣдкими сарказмами злоупотребленія римскаго духовенства, въ особенности богатыхъ прелатовъ. Думаю, ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ отъ сихъ двухъ наставниковъ. При томъ же намъ ничего не говорили противъ Церкви Православной—вѣроятно, боялись. Не удивительно, если изъ Вильны выѣхалъ я безъ предубѣжденій противъ сей послѣдней церкви, а напротивъ съ важными предубѣжденіями противъ Римской"[2]).

Оставшійся твердымъ въ своихъ греко-восточныхъ убѣжденіяхъ, юноша Іосифъ остался непоколебленнымъ и въ своихъ національныхъ симпатіяхъ. „Богъ, говоритъ митрополитъ, и въ этомъ отношеніи былъ ко мнѣ милостивъ." Профессоромъ русской словесности въ Виленскомъ университетѣ былъ тогда почтенный заслугами Чернявскій. Это была настоящая ходячая библіотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи. „Онъ едва бывало, говоритъ преосвященный Іосифъ, занимается съ нами своими записками о русской словесности; но любилъ старикъ ходить во весь урокъ по классу и разсказывать намъ анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душею, все, что ему приходило на мысль о Россіи, о ея исторіи, о ея герояхъ, о ея бытѣ народномъ. Много бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него. Не помню, были ли ему благодарны за эти уроки весьма немного-

го обскурантизма, почему и были подобраны имъ соотвѣтственные этому направленію профессора". Русск. Вѣстн. стр. 301.

[1]) Это тотъ самый Іосифъ, который былъ въ Могилевѣ и съ которымъ имѣла здѣсь свиданіе Государыня Императрица Екатерина II, памятникомъ каковаго свиданія служитъ каѳедральный Іосифовскій соборъ.

[2]) Записки т. I. стр. 16; ср. Архіеп. Антонія. Русск. Вѣстн. стр. 300 и сл.

численные его слушатели, но я ихъ пожиралъ и вѣчно останусь благодаренъ; кажется, онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи"[1]).

Соученикъ и впослѣдствіи сподвижникъ преосвященнаго Іосифа архіепископъ Антоній Зубко такъ характеризуетъ своего товарища за время его пребыванія въ Виленскомъ университетѣ. „Поступивъ въ главную семинарію, я засталъ тамъ Іосифа Сѣмашко и два года учился вмѣстѣ съ нимъ; складъ его мыслей и чувствованій былъ крѣпко основанъ на почвѣ народной, малорусской, не совращенной польскимъ гимназическимъ воспитаніемъ. Я много отъ него слышалъ малороссійскихъ пѣсенъ и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывалась нелюбовь къ ляхамъ. Сѣмашко, будучи въ главной семинаріи, многостороннею начитанностію развилъ въ себѣ критическій взглядъ, такъ что впослѣдствіи онъ, какъ искусный анатомъ, умѣлъ рѣзко отдѣлять дѣйствительные факты отъ облекавшей ихъ фантазіи, подъ которою обыкновенно скрывалось преднамѣренное искаженіе истины. Сѣмашко и тогда уже былъ вполнѣ самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, направленныхъ къ единенію съ русскимъ народомъ, какъ это можно было замѣтить изъ того, что онъ предпочелъ русскую литературу всѣмъ другимъ предметамъ, предоставлявшимся на выборъ учениковъ съ цѣлію спеціальнаго изученія[2]).

22 года было Іосифу Сѣмашкѣ, когда онъ со степенью магистра, полученною имъ за сочиненіе „De christiana cura bonorum temporalium"[3]), вышелъ изъ Виленскаго университета.

Заканчивая этимъ очеркъ воспитанія высокопреосвященнаго Іосифа и отсылая желающихъ болѣе широко познакомиться съ постепеннымъ развитіемъ и возрастаніемъ этого человѣка къ собственнымъ его запискамъ, позволимъ себѣ съ увѣренностію сказать, что время чтенія этихъ записокъ будетъ потрачено вовсе не даромъ: какъ родители, такъ и воспитатели найдутъ въ нихъ весьма много интереснаго и поучительнаго.

Переходя теперь къ изображенію общественной дѣятельности Іосифа Сѣмашки, мы, для полноты біографическаго очерка, намѣтимъ

---

[1]) Записки стр. 17.

[2]) Русск. Вѣстн. 1864. Сент. „О греко-унитской Церкви". стр. 302.

[3]) Эта и другая диссертація Сѣмашки „De Tolerantia"—обѣ на латинскомъ языкѣ—помѣщены въ 1-мъ т. Записокъ стр. 422 и слѣд.

сначала, какъ постепенно возвышался онъ по ступенямъ іерархической лѣстницы. Лишь только молодой магистръ возвратился въ свою епархію въ Жидичинъ, въ семи верстахъ отъ Луцка, гдѣ было тогда мѣстопребываніе греко-уніатскихъ преосвященныхъ, какъ его сейчасъ же посвятили въ иподіаконы[1]), вскорѣ въ діаконы и въ слѣдующемъ же году, когда ему было только 23 года, во священники[2]). 22-хъ лѣтній юноша принялъ священный санъ (діакона) безженнымъ, но не монахомъ. „Это обстоятельство, говоритъ проф. Кояловичъ, имѣло великое значеніе въ послѣдующей судьбѣ Сѣмашки. Онъ остался вѣрнымъ представителемъ и защитникомъ интересовъ бѣлаго уніатскаго духовенства и неразрывно связаннаго съ нимъ народа, и потому также неутомимымъ обличителемъ монашескаго базиліанскаго ордена, выражавшаго въ своихъ дѣйствіяхъ польскій аристократизмъ и латинскій фанатизмъ“[3]). Еще въ санѣ діакона Іосифъ Сѣмашко былъ назначенъ засѣдателемъ Луцкой консисторіи и наставникомъ приготовлявшихся къ рукоположенію ставленниковъ. Въ 1822 г. онъ получилъ санъ протоіерея и былъ избранъ отъ Луцкой епархіи членомъ въ С.-Петербурскую Римско-католическую коллегію по 2-му департаменту, т. е. по уніатскому отдѣленію ея. „Такимъ образомъ на 24-мъ году своей жизни онъ занялъ положеніе одного изъ представителей уніатской церкви передъ правительствомъ“[4]). Прошедъ потомъ степени

---

[1]) Преосвященный Іаковъ Мартусевичъ, воспитанникъ іезуитовъ, ненавидѣвшій все православное и русское (см. его характеристику въ Запискахъ т. 1, стр. 53—54), спѣшилъ склонить молодаго человѣка принять священство неженатымъ, какъ это водилось часто между уніатами по подражанію католикамъ. Онъ не рѣшился даже отпустить его повидаться съ родителями, прежде чѣмъ это сдѣлаетъ. „Тамъ тебя матушки да тетушки „огадятъ“, т. е. женятъ“, говорилъ онъ ему. Отецъ Іосифа былъ одного мнѣнія съ преосвященнымъ—по видамъ честолюбія. „Меня же, говоритъ самъ Сѣмашко, не занимали честолюбивые виды моего родителя; но я былъ дикъ для свѣта, чуждъ всякихъ свѣтскихъ связей, а слѣдовательно равнодушенъ къ женитьбѣ—и склонился къ безженству. У меня было къ тому болѣе важное побужденіе. Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приходомъ, если прійдутъ семейныя заботы, что тогда станется съ моими книгами, куда обратится любовь моя къ чтенію и познаніямъ?—кажется, это меня порѣшило“. Записки стр. 18, ср. графа Толстаго моногр. стр. 7.

[2]) По римскимъ законамъ можно было поставлять во священника только по достиженіи рукополагаемымъ 24-хъ лѣтняго возраста. Преосвященный Мартусевичъ просилъ особаго разрѣшенія у митрополита на посвященіе Іосифа Сѣмашко. Записки стр. 18.

[3]) Христ. Чт., цитир. выше статья, стр. 917.

[4]) Тамъ же, стр. 918.

каноника (1823) и прелата (1825), онъ въ 1829 г. назначенъ былъ викарнымъ епископомъ Бѣлорусской греко-уніатской епархіи съ наименованіемъ епископомъ Мстиславскимъ и черезъ четыре года (1833) самостоятельнымъ епархіальнымъ епископомъ Литовскимъ. Въ знаменательный 1839 г. принятый въ общеніе съ Православною Церковію, Сѣмашко получилъ санъ архіепископа. Наконецъ въ 1852 г. „за пламенную ревность къ православію, приверженность къ престолу, благоуспѣшныя дѣйствія при возстановленіи Православной іерархіи въ старанѣ древняго достоянія Церкви Нашей и неутомимыя заботы объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ праотеческой вѣры", какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ[1]), онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита и былъ Всемилостивѣйше пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Какъ въ санѣ уніатскаго епископа, такъ и въ санѣ православнаго архіепископа, Сѣмашко нѣсколько разъ бывалъ въ предѣлахъ Могилевской епархіи и въ самомъ Могилевѣ: по Высочайшему повелѣнію онъ производилъ ревизіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и вообще обозрѣвалъ духовное вѣдомство[2]). Послѣдній разъ въ санѣ митрополита онъ былъ въ Могилевѣ въ 1860 г. и между прочимъ присутствовалъ на урокахъ въ мѣстной семинаріи. Окончивъ въ шестидесятыхъ годахъ составленіе своихъ записокъ и собравъ всѣ сохранившіяся бумаги, составляющія теперь три огромныхъ печатныхъ тома—до 1000 стр. каждый,—высокопреосвященный митрополитъ спокойно ожидалъ смерти, которая и послѣдовала 23 ноября 1868 г. въ Вильнѣ. Прахъ его покоится въ Виленскомъ Св.-Духовомъ монастырѣ подъ нетлѣнными мощами св. Виленскихъ мучениковъ.

Предназначая свою громадную рукопись въ даръ Императорской Академіи Наукъ (онъ былъ ея членомъ), высокопреосвященный митрополитъ въ своемъ завѣщаніи писалъ между прочимъ: „по человѣческой природѣ дѣйствія необыкновеннаго моего поприща должны были подвергаться превратнымъ сужденіямъ отъ незнанія и отъ пристрастнаго недоброжелательства партій. По той же природѣ естественно и мнѣ желать, чтобы память моя осталась чистою предъ человѣки. Я вполнѣ увѣренъ, что мнѣ отдадутъ полную справедливость". На насъ, празднующихъ теперь пятидесятилѣтіе дѣла, совершеннаго

[1]) См. этотъ рескриптъ въ Запискахъ т. I. стр. 273.

[2]) См. подробный послужной списокъ въ Запискахъ т. I. стр. 555 и слѣд.

высокопреосвященнымъ митрополитомъ лежитъ эта обязанность, этотъ долгъ помянуть добрымъ христіанскимъ словомъ великаго дѣятеля.

Въ чемъ же состоялъ подвигъ высокопреосвященнаго митрополита? Отвѣчать обстоятельно на этотъ вопросъ значитъ, говоря строго, писать послѣдовательную и подробную исторію возсоединенія Литовскихъ и Бѣлорусскихъ уніатовъ въ 1839 году. Это дѣло возсоединенія такъ слито съ дѣятельностію, скажемъ болѣе, съ личностію Іосифа Сѣмашки, что говорить отдѣльно о томъ или другомъ невозможно. Имѣя въ распоряженіи незначительное количество времени, мы въ настоящій разъ изъ дѣятельности преосвященнаго Сѣмашко отмѣтимъ только тѣ факты, въ которыхъ выразился его государственный умъ и великій характеръ.

Извѣстно, что въ царствованіе Государя Павла Петровича, благосклонно и довѣрчиво относившагося къ іезуитамъ, потерялось почти всякое различіе между ксендзомъ и уніатскимъ священникомъ, между костеломъ и уніатскою церковью. Ксендзъ свободно отправляетъ богослуженіе въ уніатской церкви, іерей-уніатъ съ такою же свободою идетъ въ костелъ и служитъ тамъ латинскую обѣдню. Государь учреждаетъ католическую коллегію для рѣшенія дѣлъ уніатовъ и католиковъ и тѣмъ совершенно подчиняетъ первыхъ послѣднимъ[1]). Въ царствованіе Императора Александра Павловича, благодаря вліянію Чарторыйскаго и распространенію по всей Западной Россіи чисто польской системы образованія, силы поляковъ окончательно укрѣпились. „Изъ Петербурга пущено было въ Западную Россію почти оффиціальное извѣстіе, что правительство само желаетъ перехода уніатовъ въ латинство. И вотъ цѣлые приходы начинаютъ переходить въ католичество. Въ одной Виленской епархіи въ началѣ настоящаго столѣтія (до 1809 г.) обращено было въ латинство 20 тысячъ уніатовъ. Словомъ, уніатская церковь доведе-

[1]) „Указъ объ учрежденіи католической коллегіи, говоритъ Морошкинъ, былъ равносиленъ смертному приговору въ отношеніи уніатскаго исповѣданія. Въ это царствованіе едва было не погибло все, что сдѣлано въ предшествующее царствованіе: до такой степени возрасли совращенія уніатовъ въ латинство и до такой степени неустрашимости дошла католическая пропаганда подъ покровительствомъ и защитою іезуитовъ, овладѣвшихъ довѣріемъ Государя“. Авторъ сочиненія „Іезуиты въ Россіи“, имѣлъ доступъ въ архивы и, на основаніи многихъ необнародованныхъ еще дѣлъ, написалъ большую статью „Возсоединеніе уніи“. См. Вѣст Евр. 1872. кн. 4, 6, 7, 9 и 10. Выписанныя нами слова взяты изъ книги 4-й стр. 614.

на была, говоря словами проф. Кояловича, до отчаяннаго положенія“[1]). Вопросъ былъ не въ такомъ или иномъ отношеніи ея къ православію или латинству, а въ самомъ ея существованіи. И вотъ, мы видимъ, выступаютъ два энергическихъ защитника ея—митрополитъ Лисовскій и за нимъ архіепископъ Красовскій. Они выступаютъ ратоборцами за отдѣленіе уніатской церкви отъ латинства и отдѣльное, самостоятельное ея существованіе. Весьма благосклонно относясь къ первому и выслушавъ энергическое объясненіе втораго, Государь Александръ Павловичъ обратилъ Свое Монаршее вниманіе на бѣдственное положеніе уніатской церкви и между прочимъ издалъ указъ объ учрежденіи въ католической коллегіи 2-го департамента, членами котораго должны были быть исключительно уніатскіе духовные[2]).

Подъ вліяніемъ дѣятельности Лисовскаго и Красовскаго нѣсколько послабла католическая пропаганда и поуменьшились случаи совращенія уніатовъ въ латинство, тѣмъ не менѣе завѣтныя идеи ихъ объ отдѣльномъ существованіи уніатской церкви оставались безъ осуществленія. Такъ дѣло стояло до тѣхъ поръ, пока въ числѣ членовъ уніатскаго департамента не появился Луцкій засѣдатель Іосифъ Сѣмашко.

Лишь только вступилъ въ свою должность новый членъ, какъ обнаружилъ изумительную энергическую дѣятельность: онъ одинъ повелъ всѣ дѣла своего уніатскаго департамента и, смѣло высказывая и твердо отстаивая свои искреннія убѣжденія, сталъ простирать свое вліяніе на рѣшеніе дѣлъ, разсматривавшихся въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ коллегіи. „По разсказамъ лицъ, знавшихъ дѣла Римско-католической коллегіи, одно появленіе Іосифа Сѣмашки въ общемъ собраніи ея измѣняло выраженіе лицъ латинскихъ прелатовъ, а когда онъ выступалъ на защиту уніатовъ по какому-либо дѣлу, то смущалъ самыхъ даровитыхъ и смѣлыхъ представителей латинства“[3]). Нужно замѣтить, что онъ былъ здѣсь совершенно одинокъ, что онъ ни въ комъ не имѣлъ поддержки. Стоявшій тогда во главѣ уніатской церкви, а вмѣстѣ и предсѣдатель уніатскаго департамента, митрополитъ Іосафатъ Булгакъ по убѣ-

[1]) См. цитир. выше статью въ Хр. Чт.

[2]) Морошкинъ. Вѣст. Евр. кн. 4. стр. 614.

[3]) Кояловичъ, стр. 922.

жденіямъ былъ истый католикъ, хотя и не фанатикъ. Совсѣмъ не занимаясь дѣлами самъ, онъ былъ послушнымъ орудіемъ латинянъ. Таковы же были и всѣ другія лица, стоявшія во главѣ уніатовъ[1]).

Какія же идеи воодушевляли въ это время Іосифа Сѣмашко? Къ какимъ задачамъ стремился онъ, просиживая цѣлыя ночи на пролетъ надъ составленіемъ разныхъ общихъ постановленій и своихъ отдѣльныхъ мнѣній?

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что до 1827 г. онъ былъ лишь продолжателемъ Лисовскаго и Красовскаго: подобно имъ, онъ стремился дать уніатской церкви отдѣльное отъ латинской существованіе, онъ хотѣлъ при этомъ возвратить ей тотъ видъ, какой она имѣла до Замойскаго собора и, значитъ, очистить ее отъ всѣхъ тѣхъ примѣсей, какія привзошли въ нее подъ вліяніемъ іезуитовъ и базиліанъ-монаховъ.

Но всѣ великіе люди не долго идутъ по чужимъ стопамъ. Являясь носителями и выразителями идей лучшихъ людей своего времени и съ этого начиная свою дѣятельность, они скоро прокладываютъ свои новые пути и твердо, стойко идутъ по нимъ, составляя новые планы для дѣятельности и не успокоиваясь до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ доведено до конца. Такъ было и съ Іосифомъ Сѣмашко. Намъ кажется, въ 1827 г. въ душѣ уніата—Сѣмашки совершился крутой поворотъ, произошла смѣна его убѣжденій, которая и опредѣлила дальнѣйшій ходъ его дѣятельности.

Среди сочиненій Сѣмашко имѣется его довольно обширный трактатъ „О православіи Восточной Церкви"[2]), писанный имъ въ 1827 г. Въ этомъ трактатѣ молодой ученый исторически, начиная съ древнѣйшихъ временъ, слѣдитъ за всѣми уклоненіями Церкви Западной отъ Церкви Восточной, указываетъ всѣ беззастѣнчивыя дѣйствія папъ, трактуетъ о лукавомъ созданіи уніи и т. под. Словомъ, сочиненіе это говоритъ о сознательномъ уже расположеніи автора къ православію.

Какъ бы то ни было, въ дѣятельности Іосифа Сѣмашки съ этого времени замѣчается другая идея, другая задача. Прозрѣвшій уніатъ съ жаромъ новопросвѣтившагося прозелита ставитъ себѣ цѣлью жизни—привести свой родной уніатскій народъ къ вратамъ Церкви

---

[1]) См. характеристику ихъ въ Запискахъ т. I. стр. 53—54.

[2]) См. Записки т. I. стр. 308—387.

Православной. Въ этомъ духѣ и совершается дѣятельность Іосифа Сѣмашки до 1839 г., когда наконецъ со своими достойными сподвижниками—епископами Антоніемъ Зубко и Василіемъ Лужинскимъ онъ служитъ православную литургію въ храмѣ православномъ.

Представитель уніатовъ предъ правительствомъ, возложившій на себя общественную задачу, Сѣмашко не хочетъ удалиться отъ своихъ единовѣрцевъ: онъ не принимаетъ православія единолично, не принимаетъ его тотчасъ же, какъ убѣдился въ его истинности. Его великая задача требуетъ времени для своего осуществленія, требуетъ строго обдуманнаго и обстоятельнаго плана. Этотъ планъ и былъ созданъ Сѣмашкою. На этомъ планѣ мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Сѣмашко былъ врагъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ перемѣна вѣрованій, перемѣна убѣжденій. Онъ видѣлъ въ то же время, что обратить въ православіе одинъ простой народъ безъ духовенства значило сдѣлать еще не очень большое въ качественномъ отношеніи пріобрѣтеніе для Церкви. Наконецъ дальнозоркость его и чуткое пониманіе вѣяній, носившихся подъ Польшей и нашей западной окраиной около 30-хъ годовъ, давало ему видѣть, что всякая поспѣшность, всякая неосторожность вызоветъ только волненіе и шумъ, чего онъ также не терпѣлъ, и что дѣло такимъ образомъ скорѣе замедлится, чѣмъ придетъ къ желанному концу. И вотъ въ тиши кабинета создается планъ постепеннаго перевоспитанія прежде всего самаго уніатскаго духовенства, а чрезъ него потомъ и всего уніатскаго народа. Въ умѣ великаго общественнаго дѣятеля рисуется не насильственное обращеніе по частямъ того или другаго прихода, не крутой общественный переворотъ съ участіемъ пороха и картечи, а возсоединеніе по искреннему убѣжденію, возсоединеніе добровольное, тихое и общее— съ духовенствомъ во главѣ. Это, очевидно, не планъ Лисовскаго и Красовскаго, мечтавшихъ объ отдѣльномъ существованіи уніатской церкви[1]), это и не планъ преосвященнаго Полоцкаго Смарагда[2]) и

[1]) Преосвященный Василій Лужинскій приписываетъ Лисовскому честь созданія плана возсоединенія уніатовъ и оспариваетъ эту честь у преосвященнаго Іосифа Сѣмашки. См. его Записки. Казань. 1885. стр. 1 и слѣд. Но это мнѣніе преосвященнаго Василія стоитъ въ современной литературѣ по вопросу о возсоединеніи совершенно одиноко.

[2]) На мѣсто преосвященнаго Смарагда, переведеннаго въ Могилевъ, на-

нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, считавшихъ важнымъ дѣломъ возсоединеніе отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ мѣстностей съ явнымъ озлобленіемъ остававшагося за бортомъ духовенства[1]), это не присоединеніе, идущее сверху внизъ,—это истинно-мудрый планъ, планъ какъ-бы испытаннаго въ житейскихъ буряхъ государственнаго мужа. „Проэктъ возсоединенія уніи, составленный Сѣмашкою, говоритъ Морошкинъ, поражаетъ своею практичностію, которая была плодомъ и результатомъ глубокаго знанія процесса развитія уніи, ея исторіи, тѣхъ силъ и средствъ, которыя создали ее, сохраняли и поддерживали. По всему видно, что его начертала мастерская и опытная рука знатока“[2]).

Главную опору для своихъ дѣйствій преосвященный Іосифъ Сѣмашко нашелъ въ Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Этотъ Государь, какъ только узналъ о бѣдственномъ положеніи униатовъ въ Западномъ краѣ, горячо принялъ къ сердцу дѣло этихъ иновѣрныхъ своихъ подданныхъ. Познакомившись съ проэктами Сѣмашко, онъ вполнѣ съ ними согласился. Своимъ великимъ умомъ онъ проникъ въ самую сущность взглядовъ уніатскаго епископа и такъ характерно выразился: „не кафтанъ хочетъ перемѣнить Сѣмашко, а самаго человѣка, который носитъ этотъ кафтанъ“[3]).

Оставляя въ сторонѣ интересныя подробности плана[4]), созданнаго епископомъ Сѣмашко, мы скажемъ теперь о томъ, какъ меж-

значенъ былъ въ Полоцкъ преосвященный Исидоръ, нынѣ старѣйшій іерархъ Русской Церкви, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. На долю преосвященнаго Исидора выпало участвовать съ возсоединенными Епископами въ торжественныхъ служеніяхъ и потомъ, по переходѣ въ Могилевъ на мѣсто преосвящ. Смарагда, фактически совершать обращеніе уніатскихъ приходовъ въ приходы православные.

[1]) О почастныхъ возсоединеніяхъ уніатовъ въ Полоцкой и Могилевской епархіяхъ см. брошюру И. Чистовича: „Пятидесятилѣтіе возсоединенія съ Правосл. Церковію Западно-Русскихъ уніатовъ“. СПБ. 1889. стр. 12—20. Въ самыхъ запискахъ см. т. 1, стр. 658.

[2]) Вѣст. Евр. 1872 г. кн. 6. стр. 588.

[3]) Графъ Толстой, стр. 70.

[4]) Самый проэктъ, найденный Морошкинымъ послѣ долгихъ исканій, какъ онъ говоритъ, помѣщенъ имъ въ подлинникѣ въ 4-й кн. Вѣст. Евр. за 1872 г. стр. 622—643 и подписанъ А. Шишковымъ. Преслѣдуя общіе интересы и служа собственно дѣлу, продолжаетъ изслѣдователь, Сѣмашко никогда не называлъ своего произведенія своимъ. Вслѣдствіе этого и его проэктъ долго былъ приписываемъ другимъ. Какъ истинно великій государственный мужъ, онъ желалъ, чтобы исторія смотрѣла на дѣло возсоединенія уніатовъ, какъ на дѣло, созданное об-

ду прочимъ принялся онъ за осуществленіе своего проэкта. Энергическій дѣятель рѣшилъ познакомиться со всѣмъ своимъ духовенствомъ „по одиночкѣ". Задача очевидно не легкая. Однако преосвященный Сѣмашко достигъ этого и даже въ необычайныхъ размѣрахъ. „Я не жалѣлъ труда, говоритъ онъ. Я собственноручно сдѣлалъ извлеченіе изъ послужныхъ списковъ всего епархіальнаго духовенства. Такимъ образомъ, у меня была подъ руками тетрадь, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ о каждомъ изъ духовныхъ моей епархіи значилось—имя, фамилія, лѣта отъ рожденія, мѣсто служенія, поведеніе, образованіе и особыя качества. Такая же тетрадь составлена собственноручно мною и о всѣхъ церквахъ Литовской епархіи съ означеніемъ названія церкви, числа прихожанъ и ихъ благосостоянія, количества и качества священнической земли и разстоянія сосѣднихъ церквей своего и другихъ исповѣданій. Я сдѣлалъ тоже собственноручно вѣдомость и римско-католическимъ церквамъ всѣхъ епархій съ означеніемъ числа прихожанъ каждой изъ нихъ. Этотъ кропотливый трудъ обогатилъ мою память, да и доставилъ на будущее время необходимую справочную вѣдомость. Но я не довольствовался этими мертвыми свѣдѣніями. Лѣтомъ 1834 года я обозрѣлъ почти всю свою епархію, хотя она состояла тогда въ пяти губерніяхъ. Я видѣлъ лично болѣе восьмисотъ священниковъ, бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ; узналъ и видѣлъ многое; преподалъ и не безъ успѣха нужныя внушенія и наставленія[1]... Достойно замѣчанія, что во всю жизнь я не употреблялъ шпіонства и не нуж-

щими силами уніатской іерархіи и высшаго Русскаго Правительства. Что Сѣмашко, въ видахъ общей пользы, любилъ оставаться въ тѣни, это видно между прочимъ и изъ исторіи перевода имъ на польскій языкъ сочиненія митрополита Московскаго Филарета „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Греко-Россійскія Восточныя Церкви". Переводъ этотъ, по указанію самаго Сѣмашки, напечатанъ съ именемъ тогдашняго инспектора академіи, бывшаго знаменитаго Херсонскаго архіепископа Иннокентія. Этотъ анонимъ утвердился вполнѣ. Имя истиннаго переводчика открылось по смерти Сѣмашки послѣ изданія его записокъ. „Впрочемъ не одно это мое дѣйствіе, продолжаетъ онъ, разсказавъ о переводѣ, оставалось въ свое время въ невѣдѣніи для лучшаго успѣха добраго дѣла—выдвинутъ ли Господь Богъ и добрые люди изъ подъ спуда и мои добрыя дѣла". Записки т. I, стр. 65 и 66.

[1]) Сохранился отзывъ современника—протоіерея Плакида Янковскаго (см. о немъ у архіеп. Антонія въ статьѣ стр. 310) объ этихъ бесѣдахъ преосв. Іосифа съ духовенствомъ. См. этотъ прекрасный отзывъ въ брошюрѣ И. Чистовича, стр. 18.

дался въ немъ. Я его считалъ безнравственнымъ и безполезнымъ. При хорошемъ выборѣ начальствующихъ и при врожденной мнѣ зоркости[1]) я всегда имѣлъ необходимыя свѣдѣнія и вѣрный взглядъ на дѣла"[2]).

Между тѣмъ какъ епископъ самъ обозрѣвалъ (каждое почти лѣто) свою епархію и, бесѣдуя съ духовенствомъ, предрасполагалъ его къ возвращенію въ нѣдра православія[3]), отъ лица Правительства шли одно за другимъ распоряженія, клонившіяся къ возвращенію уніатскихъ церквей и богослуженія къ православной старинѣ и къ воспитанію уніатскаго юношества въ новомъ духѣ—въ духѣ строгаго православія. Такъ постепенно устроялись въ церквахъ иконостасы, вводилось пѣніе вмѣсто органовъ, жертвовались и присылались древне-православныя (длинныя) священныя облаченія и наконецъ введены были служебники Московскаго изданія. Сдѣлана была очень существенная реформа базиліанскаго ордена съ цѣлію исключенія изъ него открытыхъ католиковъ-іезуитовъ и возвращенія его къ типу монастырей православныхъ. Кромѣ бѣлорусской семинаріи въ Полоцкѣ, открыта была новая уніатская семинарія въ Жировицахъ[4]) (Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда)

---

[1]) Доказательства проницательности преосвященнаго Сѣмашко и случаи ея проявленія см. въ Запискахъ стр. 85, 89 и 90.

[2]) Записки стр. 85, 86 и 94.

[3]) Тоже дѣлали и сподвижники преосв. Іосифа—архіепископы Антоній и Василій. Тотъ и другой, каждый въ предѣлахъ своей епархіи, сдѣлали весьма много въ дѣлѣ подготовки своихъ паствъ къ тому широкому, безмятежному возсоединенію, какое совершилось въ 39 г. Безъ нихъ І. Сѣмашкѣ не на кого было опереться; въ нихъ онъ нашелъ то, что ему было нужно. Обо всѣхъ трехъ этихъ дѣятеляхъ по возсоединенію уніатовъ можно сказать то же, что сказалъ М. О. Кояловичъ о двухъ изъ нихъ—Іосифѣ и Антоніѣ. „Это были главнѣйшіе двигатели возсоединенія. Племенныя особенности придавали прелесть и многознаменательность ихъ единодушію. Іосифъ былъ чистый малороссъ, Антоній и Василій чистые бѣлоруссы (послѣдній изъ Могилевской епархіи). Всѣ три любили западно русскія племена, изъ которыхъ вышли, но не дѣлили ихъ никакою рознію и всѣ три съ неодолимою силою стремились къ единенію съ восточною Русью. Они всѣмъ этимъ оставили потомкамъ плѣнительный образецъ объединенныхъ силъ и завѣтовъ одной нераздѣльной Православной Россіи". См. брошюру „Семь проповѣдей митрополита Іосифа". Предисл. стр. V. Съ какою сердечною теплотою и любовію велись преосвященными Василіемъ и Антоніемъ бесѣды съ духовенствомъ,—объ этомъ весьма много говорится въ оставшихся отъ нихъ произведеніяхъ.

[4]) О состояніи этой семинаріи въ періодъ управленія ею ректоромъ Антоніемъ Зубко см. въ его статьѣ „О греко-унитской церкви". Русск. Вѣст. стр. 309 и слѣд.

въ Литвѣ. Весь строй для этихъ семинарій былъ заимствованъ изъ семинарій православныхъ. Особенное вниманіе было обращено на изученіе русскаго языка. Душою всѣхъ этихъ и подобныхъ мѣропріятій былъ—одинъ и тотъ же Сѣмашко: они исходили изъ его основнаго проэкта, въ которомъ съ замѣчательною дальновидностію предначертана вся система дѣйствій и средствъ, пригодныхъ къ достиженію намѣченной цѣли.

Когда всѣ указанныя мѣры, проводившіяся въ жизнь съ замѣчательнымъ тактомъ и умѣньемъ, стали приносить желанный плодъ, преосвященный Іосифъ, зорко за всѣмъ наблюдавшій, по обыкновенію держа все въ строжайшемъ секретѣ, сталъ отбирать отъ уніатскаго духовенства собственноручныя удостовѣренія въ желаніи присоединиться къ Православной Церкви. Собравъ наконецъ такихъ подписокъ около полутора тысячъ (938 въ Литовской епархіи и 367 въ Бѣлорусской), онъ пригласилъ уніатскихъ преосвященныхъ въ Полоцкъ и тамъ послѣ торжественнаго Богослуженія, совершеннаго по чину Православной Церкви, составилъ соборный актъ о возсоединеніи всѣхъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ уніатовъ съ православіемъ[1]). „Благодарю Бога и принимаю", начерталъ Государь Императоръ на постановленіи Св. Синода о принятіи уніатовъ въ лоно Православной Церкви.

Теперь цѣль жизни преосвященнаго Іосифа была выполнена. Считая свою задачу оконченною и избѣгая всякаго упрека въ честолюбивыхъ стремленіяхъ, онъ сталъ проситься объ увольненіи отъ службы[2]). Но по Высочайшей волѣ Государя Императора снова пришлось ему стать на стражѣ православныхъ и русскихъ интересовъ въ Литовско-Бѣлорусскомъ краѣ и стоять до конца жизни, по собственному его выраженію, „подъ выстрѣлами и чужихъ и своихъ"[3]). И онъ стоялъ, ни разу ни въ чемъ не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ, и, полный сознанія правоты совершеннаго имъ дѣла, никогда ничего не боялся. „Хладнокровіе и твердость относительно собственной безопасности, говоритъ онъ, доходили во мнѣ до совершенной беззаботности и невнимательности. Мнѣ не разъ случалось слышать удив-

[1]) Этотъ актъ и всеподданнѣйшія прошенія къ Государю Императору помѣщенны въ Запискахъ на стр. 119 и сл. въ 1-мъ т.

[2]) Прошеніе было подано Государю Императору 26 февр. 1839 г. вмѣстѣ съ просьбами о возсоединеніи. См. Записки стр. 127.

[3]) Графъ Толстой, стр. 69.

леніе, что я рѣшался на разъѣзды, а между тѣмъ меня никогда не смущали ни боязнь, ни опасенія. Я разъѣзжалъ всюду и между всѣми, безъ всякихъ предосторожностей, безъ всякихъ сомнительныхъ мыслей. При извѣстныхъ политическихъ обстоятельствахъ были предостереженія, что русскихъ въ Вильнѣ перерѣжутъ во время праздничнаго Богослуженія, я и не подумалъ отмѣнить оное. При освященіи мною въ Вильнѣ каѳедральнаго собора былъ доносъ, будто подъ него подложенъ порохъ. Нельзя было увѣриться въ противномъ за накопленіемъ въ подвалахъ огромнаго количества мусора. На жандармскомъ генералѣ и нѣкоторыхъ другихъ, знавшихъ о доносѣ, лица не было видно, при входѣ въ церковь. Я же былъ совершенно хладнокровенъ и совершилъ Богослуженіе, какъ бы ни о чемъ не зналъ. Достойно замѣчанія, что при всемъ недоброжелательствѣ ко мнѣ мѣстныхъ иновѣрцевъ, я въ теченіе тридцати лѣтъ не испыталъ отъ нихъ никакого личнаго оскорбленія. Богъ видимо хранилъ меня. Но и я поступалъ въ отношеніи иновѣрцевъ безобидно, справедливо, стоялъ только твердо за свое. Мою какъ бы беззаботную твердость иные называли фанатизмомъ, а между тѣмъ она происходила отъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ дѣла, отъ всецѣлаго посвященія себя довершенію онаго, отъ твердаго упованія на помощь Всевышняго, отъ полной преданности волѣ Провидѣнія. Когда мнѣ случалось слышать намеки о возможной опасности моей жизни: „Боже мой, говорилъ я не разъ, неужели вы не понимаете, что запечатлѣть кровію доброе, святое дѣло было бы для меня самымъ большимъ счастіемъ?“[1]). Вотъ и еще фактъ, свидѣтельствующій о стоической твердости митрополита Іосифа, проистекавшей изъ глубокаго сознанія правоты дѣла, которое онъ совершилъ. Онъ освящалъ Николаевскій соборъ въ Вильнѣ, обращенный изъ костела, и потомъ церковь въ Пожайскомъ монастырѣ близъ Ковно, открытомъ въ бывшемъ латинскомъ камальдульскомъ монастырѣ. Самый фактъ освященія такихъ церквей былъ ненавистенъ католикамъ. Преосвященный нашелъ нужнымъ произнести во время этихъ освященій проповѣди[2]). „Я рѣшился, говоритъ онъ самъ, при этомъ

[1]) Записки стр. 39.

[2]) Всѣ сказанныя высокопреосвященнымъ Іосифомъ проповѣди были напечатаны въ особой книжкѣ еще при его жизни. Теперь М. О. Кояловичемъ изданы снова семь изъ нихъ. Въ томъ и другомъ изданіи слово, произнесенное при освященіи Виленскаго собора, стоитъ на первомъ мѣстѣ.

случаѣ (то есть при освященіи Виленскаго собора) за одинъ разъ высказать католикамъ всю правду. Въ быстромъ и мѣткомъ очеркѣ указалъ на историческіе факты и догматическія положенія и доказалъ, что правы не они, а мы, что хозяева въ Вильнѣ не они, а мы, сталъ твердою здѣсь ногою и заставилъ смѣло смотрѣть въ глаза римлянамъ всѣхъ возсоединенныхъ"[1]). Это слово произвело величайшую сенсацію въ обществѣ. Фельдмаршалъ князь Варшавскій сказалъ о немъ самому Преосвященному: „Вы только могли его написать, Вы только могли его и сказать".

Много намъ пришлось бы говорить, если бы мы стали изображать преосвященнаго Іосифа съ другихъ сторонъ его замѣчательнаго характера[2]) и если бы начали разсказывать, какъ подъ его мудрымъ вліяніемъ стало фактически совершаться возсоединеніе[3]) съ Православною Церковію уніатскихъ приходовъ въ Литовскомъ и Бѣлорусскомъ краяхъ. Но позволимъ себѣ успокоиться на мысли, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы потомокъ-христіанинъ и сынъ Россіи съ благоговѣніемъ воспроизвелъ образъ великаго іерарха Церкви и государственнаго мужа и, учась у него во всѣхъ подходящихъ случаяхъ, помянулъ его добрымъ словомъ религіозной и патріотической благодарности.

---

¹) Записки т. I, стр. 137.

²) Подробное изображеніе характера преосвященнаго Іосифа и его частной жизни см. у Извѣкова въ его монографіи: „Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій и Виленскій". Вильна 1889. глав. IV, стр. 195—219.

³) Не мало интереса представляетъ одна исторія обнародованія акта возсоединенія и Высочайшей воли о принятіи уніатовъ въ нѣдра Православной Церкви. См. объ этомъ въ „Запискахъ" І. Сѣмашки часть 3 и сл. и въ „Запискахъ" Василія Лужинскаго. Въ 1840 г. Св. Синодъ положилъ праздновать въ западныхъ епархіяхъ богослуженіемъ и крестнымъ ходомъ воспоминаніе о возсоединеніи уніатовъ въ первый четвергъ Петрова поста, въ который чествуется латинянами Св. Евхаристія (Записки т. I, стр. 136; т. II-й, стр. 140, 141). Этотъ праздникъ, по свидѣтельству преосвященнаго Василія Лужинскаго, установленъ былъ по его инціативѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозв. цензурою. 1889 г. 21 іюня. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*

Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.